

Арина Ларина

Лышка
с характером

С улыбкой
о любви

С улыбкой о любви

Арина Ларина

Пышка с характером

«ЭКСМО»

2011

Ларина А.

Пышка с характером / А. Ларина — «Эксмо», 2011 — (С улыбкой о любви)

Все мужчины делятся на тех, кто любит полных женщин, и на тех, кто этот факт стыдливо скрывает. Хотя, казалось бы, чего здесь стыдиться? Хорошего человека должно быть много! Маруся Брусникина была, без сомнения, таким хорошим человеком. В ранней молодости она старательно истязала себя диетами, но, став старше и мудрее, поняла, что это бесполезно. Вот только на ее пути все время встречались такие мужчины, которым было неловко признаться, что они мечтают жениться на толстушке. И когда она уже смирилась с тем, что останется вековухой, в ее жизни появился Стас. Не мужчина – мечта: умный, добрый, между прочим богатый. Но оказалось, что мечта-то он мечта, но мечтает о нем не одна Маруся...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	31
Глава 6	34
Глава 7	37
Глава 8	40
Глава 9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Арина Ларина

Пышка с характером

Пролог

Маруся Брусникина пыхла и отдувалась, пытаясь застегнуть «молнию» на сапоге. На глаза наворачивались злые слезы. Ну почему жизнь так несправедлива? Кому-то природа подарила стройную фигурку, для поддержания которой не нужно прилагать усилий, а она должна отложить до лучших времен очаровательные новые сапожки, потому что «молния» на голенище опять не сходится!

Мобильник резко подпрыгнул и задребезжал, медленно двигаясь по полированной поверхности стола. Номер не определился. Поколебавшись, Маруся ответила:

– Слушаю.

– И кара через много лет наступит, и черное возмездие придет, – произнес высокий женский голос.

«Господи, опять», – похолодела Маруся и обессиленно опустилась на стул.

Когда месяц назад раздался первый подобный звонок, она просто повесила трубку, решив, что это обычное детское хулиганство. Но звонки стали повторяться. Через несколько дней неизвестная, каждый раз начинавшая с декламации зловещих стихов, вкрадчиво поинтересовалась, не боится ли Маруся ходить одна по темным улицам. В ее голосе звучало столько ненависти и угрозы, что по позвоночнику прокатилась ледяная волна, а кожа на голове начала зудеть.

«Наверное, сейчас я похожа на бешеного ежика», – подумала Маруся, машинально пригладив короткие светлые волосы.

Однажды телефонная террористка позвонила на домашний номер, прихлопнув, как комара, последнюю надежду на то, что целью наглой бабы является не Маруся, а безадресная порча настроения все равно кому. По имени тетка ее не называла, но легче от этого не становилось. На робкие попытки узнать «че надо-то», звонившая туманно намекала на дела давно минувших дней. Маруся нервничала и перебирала в памяти все свои гадкие деяния, начиная с детсадовского возраста: ни трупов, ни просто покалеченных жертв у нее в анамнезе не было. Тем не менее, передвигаясь по жизненному пути, Маруся не подволакивала за собой ангельские крылья, да и ореол святости, к сожалению, отсутствовал. Копаясь в прошлых ошибках, она вспомнила много людей, кому успела насолить за свою долгую трудную жизнь, начиная с отличницы Моховой, которой Маруся самозабвенно пакостила в первые школьные годы, и заканчивая уволенными в последнее время сотрудниками.

Пару недель ничего страшного не случилось, но несколько дней назад произошло кошмарное событие, едва не стоившее ей нервного срыва. Оставив машину на стоянке, она, как обычно, дождалась очередного автобуса, выплюнувшего из своих недр горстку помятых пассажиров, и увязалась за торопящимися в сторону ее дома согражданами. Народ постепенно отсеивался, сворачивая то вправо, то влево и вселяя в Марусину душу тоскливый страх перед внезапным одиночеством. Наконец на финишной прямой остался лишь один некрупный субъект в вязаной шапочке, с двумя позвякивающими при ходьбе авоськами. До заветной двери оставалось всего ничего, когда дядька вдруг с утробным уханьем исчез из поля зрения, оставив на обледенелом заснеженном асфальте лишь круглую голову в шапочке. Дико взвизгнув, Маруся заметалась, бестолково размахивая сумочкой, поскользнулась и смачно шлепнулась, распластавшись рядом с бесхозной головой. Ощувив непосредственную близость страшных останков, она взвыла, как пожарная машина, и начала отползать. Внезапно голова внятно выругалась,

из-под земли выросли две руки, и все это стало медленно поворачиваться. На окаменевшую от ужаса Марусю уставились два маленьких блестящих глаза.

– Сходил за пивом, – горестно выдохнули останки, обдав ее вполне реальным запахом перегара. – Ноги бы этим дворникам повыдергать! Паразиты! Так ведь и убиться можно! Чего пялишься? Помоги, не видишь – провалился я!

«Люк был открыт, – сообразила она. – Туда должна была упасть я! Значит, все это не просто угрозы...»

Стуча зубами, Маруся за шкирку выволокла пострадавшего дядьку из люка и на ватных ногах поковыляла домой. Ей даже в голову не пришло, что для ее габаритов нужно было бы выкопать как минимум траншею. Она льстила себе мыслью, что запросто может провалиться в люк.

И вот опять этот страшный звонок.

«Может, заявить в милицию? – тоскливо подумала Маруся. – А что я им скажу? На смех только поднимут. Небось ответят, что нет трупа, нет и дела».

Ее давняя знакомая, Лариса, на глазах которой Маруся выросла и с которой у нее, несмотря на двадцатилетнюю разницу в возрасте, сложились какие-то непонятные дружеско-покровительственные отношения, придерживалась того же мнения. Надо сказать, что мнение Ларисы, с кем она была на «ты», продолжало оставаться для Маруси непререкаемо авторитетным. Еще девчонкой Маруся бегала к этой красивой, статной женщине, однажды поселившейся в соседней коммуналке. Лариса всегда была нарядной, завитой, надушенной, что выгодно отличало ее от привычного образа женщины-матери. Ему соответствовало абсолютное большинство современных женщин: талия шире плеч, в руках авоська с продуктами и взгляд загнанной лошади, которой снятся лишь плуг и картофельные всходы. Соседки неодобрительно перешептывались, глядя вслед моднице, гордо цокавшей по асфальту на немислимых шпильках, а Маруся замороженно внимала ее советам и комплиентам. Почему-то ей казалось, будто Ларисе запросто можно рассказать то, что ни при каких обстоятельствах нельзя доверить маме.

– Ты очень красивая девочка, это твой основной капитал, – наставляла ее Лариса, и молоденькая Маруся белым лебедем выплывала из ее квартиры, гордо глядя по сторонам и ощущая на плечах тяжесть королевской мантии.

Мама обычно называла ее криворукой, бестолковой и инфантильной, поэтому позиция соседки нравилась девочке больше. Именно Лариса научила Марусю вставлять поролон в лифчик и первая однажды сказала, что Марусины ноги надо не прятать под бесформенными юбками, а показывать мальчикам. Соседка казалась ей феей, и это ощущение Маруся пронесла через всю жизнь. Даже после того, как Лариса переехала, они продолжали общаться, правда, к огромному сожалению Маруси, в основном по телефону.

– Нельзя в милицию. – Голос Ларисы по-прежнему был молодым и певучим, словно она убаюкивала неразумную девочку, прибежавшую к ней со своими смешными детскими проблемами. – Им нужны факты. А какие у нас факты? Мы только можем по-бабски причитать и охать, ссылаясь на некие странные звонки.

Словно насадка, она накрывала Марусю мягким крылом, и это «мы» придавало запуганной Брусникиной уверенности в том, что тылы надежно прикрыты.

– У тебя есть номер звонившего? – поинтересовалась Лариса.

– Нет у меня ничего. Номер не высвечивается. Даже дома на АОНе сплошные черточки. Прямо наваждение какое-то. Будто я ужастиков пересмотрела на ночь, – вздыхала Маруся.

– Вот именно. Подожди, пока этот хулиган сделает прокол, чтобы не идти в органы с пустыми руками.

– Как бы он на мне свой прокол не сделал, – скаламбурила Маруся, представив себя воздушным шариком, приземляющимся на ржавую канцелярскую кнопку.

– Ты еще и остришь?

Брусникина даже улыбнулась, представив, как Лариса изумленно поднимает идеально выщипанные брови. Все-таки она ужасно соскучилась. Надо бы выбрать время и встретиться.

– Поверь мне, если бы тебе хотели нанести физический вред, то его уже нанесли бы, а так... Глупые детские штучки. История с люком ни о чем не свидетельствует. Под ноги надо смотреть. Люков открытых по всему городу уйма. Думаешь, это такая групповая акция? Нет. Это дворники безмозглые. Рабочий день закончился, крышку бросил и почапал домой: завтра закрою. Неприятно, конечно, но не смертельно. Телефон отключи, и все проблемы решатся. Какой-то психопат развлекается. У них это полосами, потерпи, обострение пройдет, и он переключится на другой объект.

– Это женщина, – напомнила Маруся.

– Какая разница? Больной, он и есть больной.

Излив душу Ларисе, Брусникина почувствовала себя лучше. Правильно говорят: раздели горе с близким человеком, и оно уменьшится вдвое.

Тонкий капрон попал под острие замка, и по колготкам немедленно побежала стрелка. Маруся повернулась к столу, чтобы схватить клей и предотвратить надвигающуюся катастрофу, но от ее резкого движения дыра приобрела критические размеры, и стало непонятно, чего больше: капрона или голой ноги. И как ехать домой в подобном виде? Ну за что ей такое наказание?

Если колготки не цеплялись за что-нибудь, то обязательно рвались под натиском мощного Марусино тела. А брюки она носить не могла. Прошлым летом, решив придать своему облику некую новизну, Маруся сшила на заказ симпатичные бриджи и явилась в них на работу. Первые полдня она просто не могла оценить масштабы бедствия, поскольку безвылазно просидела в отделе кадров. Ее выход на обед произвел настоящий фурор. Сотрудники повеселились и получили повод для сплетен на остаток дня. Маруся была довольна нарядом, потому и не замечала косых взглядов, тем более что в лицо ей никто своего мнения не высказывал. Учитывая Марусино положение, ее побаивались. Драма произошла к концу дня.

На собеседование заявился невыносимый мужик. Резюме он не принес, гордо сообщив, что все о себе сам. Сначала Маруся честно пыталась его выслушать, но с первой же фразы «я могу все», потеряла к нему интерес и стала обдумывать, как бы ему поинтеллигентнее отказать. Обижать людей она не любила и всегда старалась смягчить отказ. Умелец тем временем пел себе дифирамбы, названия организаций, в которых он работал, сыпались из него как горох, из чего можно было сделать вывод, что его отовсюду гнали, потому, собственно, он и успел отметить в половине фирм города. Странно было одно – как он умудрялся туда устроиться. Отрекомендовав себя специалистом широкого профиля, он стал перечислять профессии, которыми владел. Получалось, что он не мог только принимать роды и вышивать крестиком, и то лишь потому, что просто еще не пробовал. Маруся решила пресечь его выступление, сообщив, что в данный момент такой замечательный профессионал, к сожалению, не требуется. Им нужен помощник сисадмина.

– Чего? – не понял мастер на все руки.

– Сисадмин не справляется, и ему необходим помощник, – терпеливо пояснила Маруся.

– Еврей, что ли?

– Почему? – удивилась она неожиданному вопросу.

– Фамилия еврейская!

– У кого?

– У мужика! Да ладно, чего там. Если будете хорошо платить, то я согласен. Помогу ему. Маруся едва не расхохоталась.

«Интересно, как он собрался работать, если даже не знает, кто такой сисадмин?»

– Сисадмин – это не фамилия, а должность.

– Ну и хорошо, – подвел итог «специалист». – С зарплатой решим, и по рукам.

– Вы понимаете, – попыталась его образумить Маруся, – там необходимо не просто знание компьютера. Опытный программист нужен!

– И чего? – обиделся мужик. – Раз он умеет, то почему же я не смогу? Чем он лучше? Или на ваш вкус у меня лицо глупое?

Маруся напряглась и вгляделась в посетителя в поисках признаков безумия. В целом он выглядел нормально. Если бы не бред, который он тут озвучивал, то вполне сошел бы за добропорядочного гражданина. Она встала и осторожно двинулась к двери. Лето, жара... Вполне могло случиться, что к ней заявился шизофреник с обострением. Надо кого-нибудь позвать на всякий случай.

И тут дядька выдал:

– Я и стилистом работал в одной фирме. Могу дать бесплатный совет: с такой кормой ходить в брюках – народ потешать.

– Что? – Марусе показалось, что она ослышалась.

– Я говорю, жир свой под юбкой надо прятать, а не в брюки втискивать! – внес ясность «специалист широкого профиля».

Маруся чуть не расплакалась. Нет, она не считала себя стройной газелью, по габаритам ее фигура скорее напоминала одноименный автомобиль. Маруся четко понимала, что полнота выглядит уже нездоровой, но все усилия вернуть хотя бы намек на талию были напрасными. Просто так откровенно и по-хамски ей об этом еще никто не сообщал. Ужасно. Слезы готовы были брызнуть из глаз несчастной толстушки, но Маруся твердо решила, что не доставит наглецу удовольствия.

– Собеседование закончено, до свидания! – Она открыла дверь, приглашая кандидата на выход.

– Еще пожалеешь, такие специалисты на дороге не валяются, – пробухтел дядька, протискиваясь мимо нее.

Маруся молча захлопнула дверь, повернула ключ и расплакалась.

Когда-то юной девушкой она гордилась своей стройной гибкой фигуркой и презрительно думала, глядя на бесформенных мамаш: «Как можно настолько за собой не следить? Наличие детей и домашних проблем еще не дает женщине права перестать быть женственной. Неужели сложно начать утро с зарядки и сесть на диету? Отвратительные толстые бабищи, как их мужики-то терпят?»

Молодости свойственен максимализм. Теперь тридцатичетырехлетняя Марина Игоревна Брусникина, начальник отдела кадров небольшого бизнес-центра, стыдилась садиться в присутственных местах, поскольку занимала почти два стула. Боялась наступления лета, когда приходилось оголять все то, что удавалось скрывать зимой. Да и жару полные люди переносят тяжело. Маруся была постоянно мокрая, как мышь после неудачного заплыва, и ужасно стеснялась. Никакие хваленые дезодоранты не помогали. Одежда, которую она покупала, походила на автомобильные чехлы. Ей становилось невыносимо стыдно в магазинах, когда молоденькие продавщицы, принеся очередную юбку размером с парашют, громко сообщали:

– Она вам точно подойдет, самый большой размер!

Наверное, это наказание за грехи молодости.

Глава 1

Бывшая Страна Советов маялась под гнетом последних десятилетий XX века. Жизнь швыряла людей по синусоиде, то заваливая прилавки ранее недоступными западными достижениями технической и текстильной промышленности, то лишая всего и выдавая карточки на крупу и сахар. Экономическая нестабильность вкупе с волнующим словом «перестройка» будоражила незрелое сознание молодежи ощущением свободы и вседозволенности.

Именно в этот сомнительный период то ли упадка, то ли расцвета нашей истории Марусю угораздило заканчивать институт и отправляться в самостоятельное плавание.

На одной из студенческих вечеринок она познакомилась с Виктором. Общительная симпатичная хохотушка со стройной фигуркой, высокой грудью и пушистой светлой косой никогда не страдала от отсутствия кавалеров, но Витя был особенный. Пришло время любви, и Маруся не устояла. Он ничего не скрывал, не обещал и не обманывал. Молоденькую влюбленную девочку не смущало кольцо на пальце, это было даже пикантно – встречаться с женатым мужчиной. Наличие где-то там семьи и ребенка не казалось ей препятствием для развития романа. Витя рассказывал о себе, замечательно острил и очень красиво, по-взрослому ухаживал. А еще он умел жаловаться на жизнь, да так, что сердобольная Маруся иногда даже плакала потом дома, вспоминая Витюшины мучения. Бедняга женился на нелюбимой женщине насильно, поскольку барышня была беременна, и теперь Витя как честный человек должен был жить с этой Вероникой и растить навязанного ему ребенка. Если бы Маруся была постарше и поопытнее, то лишь посмеялась бы над неправдоподобным рассказом и резонно спросила: а откуда ж беременность у нелюбимой-то нарисовалась, уж не ветром ли надуло? Но Маруся молча обожала своего кавалера и принимала все на веру.

Виктор был взрослый. Не мальчишка, не студент с параллельного отделения, а именно взрослый мужчина. Когда он встречал Марусю после лекций, она небрежно прощалась с девочками, гордо посматривая по сторонам, – все ли видят, кто к ней пришел, – и величественно удалялась, взяв его под руку и ощущая спиной завистливые взгляды подруг.

Это было началом настоящей жизни. Сопливые кавалеры, водившие ее в кино, робеющие при прощании и не умеющие целоваться, не шли ни в какое сравнение с этим потрясающим парнем. Ухажеры, поняв бесперспективность борьбы за Марусю, моментально сдали свои позиции, и только Антон не желал признавать поражение.

Они дружили еще со школы. В седьмом классе первого сентября он подошел к ее парте, молча перенес портфель подруги Динки на соседний стол и сел рядом. Маруся видела, как покраснела его шея под взглядами одноклассников, как он сердито сжал кулаки, когда драчун Виталик, выскочив к доске, завопил «тили-тили-тесто, жених и невеста». Она уже предвкушала драку и млела от восторга, что это будет битва за нее, но Антон неожиданно встал и насмешливо произнес:

– Когда ж ты вырастешь-то? Детский сад на выезде... Женщин можно не только за косички дергать!

Фраза прозвучала непонятно, но волнующе. Все притихли, с уважением глядя на ново-явленного рыцаря. Лишь Маруся знала, что после победного выступления он спрятал под стол трясущиеся руки. Ей льстило внимание Антона. Он демонстративно ухаживал за ней: приносил еду в столовой, подавал пальто, таскал портфель и провожал после школы. Они находились в центре внимания. Через пару месяцев весь класс разбился на пары, и про них забыли. Никто не показывал пальцем, не дразнил и не завидовал.

Антон был очень способным, учителя хвалили его, и он всегда решал два варианта задач: сначала Марусин, потом свой. За ней он и пошел в институт.

Они даже ни разу не целовались. Со временем Марусе надоело его молчаливое обожаение. Рядом крутились симпатичные парни, на фоне которых худой, немного сутулый Антон сильно проигрывал. На студенческих вечеринках он молча сидел рядом, почти не пил и скупой улыбался шуткам других. Антон перестал быть кавалером, перейдя в категорию верного оруженосца. Неизвестно, устраивала ли его такая роль, но попыток изменить ситуацию он не предпринимал. Когда Маруся уходила с очередным ухажером, Антон мрачнел, но дуэлей не устраивал.

Виктор стал первым, с кем тихий верный Марусин оруженосец начал выяснять отношения. Мужской разговор перешел в банальную потасовку, победителем из которой вышел Витя. Он легко опрокинул Антона на асфальт и наставительно произнес:

– Не груби старшим!

Маруся восторженно рассмеялась удачной шутке и ушла с героем поединка. Основательно помятый и перепачканный, Антон сидел на асфальте и тоскливо смотрел вслед удаляющейся парочке.

После этой сцены в Марусиной душе пустил корни собственнический инстинкт. Виктор в роли кавалера ее уже не устраивал. Он должен был стать ее мужем. Мысль, что Виктор каждый вечер ложится в постель с чужой женщиной, как гусеница-вредитель подтачивала Марусино спокойствие.

Ей страстно хотелось счастья себе и возлюбленному. Но как освободить его от уз? Маруся задумала встретиться с Вероникой и решить вопрос любовно. Ей казалось, что та поймет ее как женщина женщину и отпустит мужа. Видимо, в голову юной освободительнице ударили все любовные романы, которые она успела проглотить на тот момент. Про красивую любовь юная студентка читала запоем, поэтому свои с Виктором отношения представляла исключительно в розовом свете. Ненавистная разлучница замечательно вписывалась в канву истории и лишь придавала остроту отношениям. Конечно, правильнее было бы посоветоваться с многоопытной Ларисой, но та, как на зло, укатила на юг. А идти с подобной проблемой к маме было просто невыносимо. Если Лариса могла дать простые и лаконичные рекомендации, то результатом беседы с мамой стал бы домашний арест. И это в лучшем случае.

Где жил любимый, Маруся не знала, поэтому однажды, когда он проводил ее домой после очередной романтической прогулки, она, таясь за деревьями, двинулась за ним следом. Со стороны это выглядело анекдотично. Штирлиц шел по Берлину и не понимал, что выдает в нем советского разведчика: фуражка со звездой или парашют, волочащийся сзади. Маруся, как бешеный заяц, скакала от куста к кусту и пугала припозднившихся прохожих. К счастью, Виктор жил недалеко и домой шел пешком. Если бы любимый сел в трамвай, то вряд ли Маруся смогла бы догнать его. Дом оказался через пару кварталов. Покурив перед входом и тщательно осмотрев одежду, Витюша скрылся в подъезде. Маруся открыла рот и задрала голову, пытаясь вычислить квартиру. Но в доме горели почти все окна, поэтому шпионский трюк не удался, и она, записав адрес на проездном, побрела домой.

На следующее утро Маруся уже была на месте. Решив порасспрашивать о Веронике соседей, она стала топтаться у двери, поджидая какую-нибудь словоохотливую бабульку. Бабульки пока спали. Чирикали птички, ласково шуршала листва, где-то неподалеку вопил то ли кот, то ли голодный младенец. Из раскрытых окон доносились отзвуки бурной семейной жизни.

Грохнула ручка металлического ведра, и об пол чавкнула мокрая тряпка. Мужской баритон тихо прокомментировал:

– Вот, чтобы ходить по чистому полу, я вынужден сам его мыть! Почему? Я мужчина, это обязывает и дает определенные права! Мое место у руля, во главе производства, на худой конец, во главе лаборатории.

– Что ты там про худой конец, милый? – донеслось из глубины дома. – Список продуктов на столе. Сегодня я хочу что-нибудь экзотическое. И не забудь пропылесосить. У меня совещание, я задержусь. Чао!

– Не волнуйся. Я буду без тебя скучать. Не забудь оставить деньги!

Послышался смачный звук поцелуя, хлопнула дверь. Баритон прошипел:

– У нее совещание! Фу-ты ну-ты! А я тут крутись весь день, как белка в колесе.

Мимо Маруси, обдав запахом нежных духов, пробежала маленькая брюнетка и скрылась за углом дома.

Где-то догорал вчерашний скандал:

– Опять зарплату не принес! Где деньги?

– Где деньги, где деньги... Ты не можешь любить бескорыстно? Зачем тебе эти грязные бумажки? Где высота чувств?

– Щас тебе будет высота, щас ты у меня по потолку, как муха, побежишь! Колька вчера зарплату принес, а тебе что, не дали?

– Да ты что, Колька принес? Не может быть! Пойду узнаю!

– Стоя-а-а-ать!

В соседних подъездах хлопали двери, из нужной же никто не выходил.

«Сплошные тунейдцы», – вздохнув, подумала Маруся.

В этот момент дверь со скрипом открылась, но вместо ожидаемого «божьего одуванчика» появилась здоровенная тетка в цветастом халате с алюминиевым тазом в руках. На коротких толстых ногах были пластиковые тапочки с огромными ромашками. Тапочки звучно шлепали тетку по голым пяткам и норовили свалиться. Чтобы не потерять свою роскошную обувь, она подволакивала ноги, шаркая подошвой об асфальт. В тазу горой высилось разноцветное белье. На шее, как бусы из зубов поверженных врагов у вождя индейского племени, пестрели разнокалиберные прищепки. Тетка была смурная, шла как танк, набычившись, и чуть не затоптала Марусю.

– Чего встала? – не приветливо рыкнула аборигенка.

– Ой, – радостно заулыбалась Маруся, – вы из этого подъезда?

– Нет! В гости ходила, вишь, при полном параде домой прусь!

– Извините, – пролепетала Маруся, с сомнением оглядев облачение тетки. Нижняя пуговица на халате была вырвана с мясом, и при ходьбе пола откидывалась, обнажая толстые складчатые коленки.

– Чего пялишься! – Бабища ловко перехватила таз другой рукой. – Пошутила я. Не дошло?

– А-а, – мелко затрясла головой Маруся. – Дошло, дошло!

– Ищешь-то кого?

Вспомнив, что женщина всегда поймет женщину, Маруся решила взять тетку в союзницы и рассказать свою трогательную историю. Союзница внимательно слушала ее душещипательную историю, поставив таз на землю, согласно кивала и прижимала руки к огромной груди, демонстрируя сопереживание. Когда Маруся закончила свое романтическое повествование словами «и если бы Вероника отпустила на волю его сердце, то наша любовь расцвела бы, как роза», тетка нетерпеливо спросила:

– Все?

– Да, представляете, как иногда случается?

– Ну, – протянула тетка, – отчего ж не представлять. Мой кобель тоже гульнуть не дурак!

Некоторое время она еще рассматривала Марусю, а затем, подняв голову, гаркнула так, что стая ворон в ужасе с заполошным карканьем снялась с раскидистой березы и перебазировалась в соседний двор:

– Верка-а-а! Слышь, че скажу... Ну-ка выглянь! Верк! К твоему мужику полюбовница пришла! Собирается тут у вас под окном розой цвести! Слышь? Выходи удобрять! – Радостно заготовав, тетка легко подхватила таз и пошла к веревкам, натянутым между деревьями.

Маруся сжалась под взглядами высунувшихся в окна жильцов. Жизнерадостная тетка, развешивавшая белье, периодически оборачивалась, боясь пропустить что-нибудь интересное. Чуткие граждане приготовились к концерту, некоторые, судя по звукам, даже подтаскивали к подоконникам стулья, надеясь поразвлечься с комфортом.

Металлическая дверь лязгнула, выпустив еще одну мощную тетку, летевшую как снаряд. Она была почти копией первой, только халат короткий, шелковый, веселенькой павлиньей раскраски, и в руках вместо таза сковорода. Так в анекдотах встречаются пьяных мужей, а не начинают разговоры о любви и прочих высоких материях. Маруся сделала правильные выводы и на предельной скорости рванула прочь под одобрительные крики жильцов. Со стороны картина выглядела как бег на длинную дистанцию на стадионе: присутствовали и бегуны, и горластые болельщики. Болели в основном за обманутую жену. Но худенькая Маруся оказалась более спортивной, тетка пыхтела, безнадежно отстав. Наконец поняв, что проигрывает, Вероника с утробным вскриком метнула сковороду вдогонку разлучнице и завопила:

– Ежели у этого паразита каждая роза под окнами цвести намылится, никаких удобрений на вас не хватит!

Сковорода с жалобным звоном подпрыгнула на асфальте и затихла, не долетев до жертвы.

Маруся бежала до самого дома. Взлетев на шестой этаж, она нажала кнопку звонка и ворвалась в квартиру, оттолкнув маму, открывшую дверь. Заперев все замки и накинув цепочку, Маруся подкралась к окну и трусливо выглянула из-за занавески. Под окнами передвигались вполне цивилизованные сограждане. Похоже, угроза миновала. Маруся упала на кровать и закрыла глаза. Организм все еще потряхивало от пережитого ужаса.

– Мариша! – послышался мамин голос. – Что случилось?

– Дверь никому не открывай, к телефону меня не зови, – попросила Маруся.

Поскольку для мамы ситуация не прояснилась, она присела на кровать рядом с мелко дрожащей дочерью и внимательно оглядела ее:

– Давай, говори, в чем дело? Кто тебя обидел? К тебе кто-то пристал, сказал что-то нехорошее?

– Мама, – округлила глаза Маруся, – чего ты со мной разговариваешь, как с умственно неполноценной? Я взрослая женщина, мне двадцать два года!

– Ну хорошо, тогда поясни, что случилось со взрослой женщиной.

– Я его люблю, – всхлипнула Маруся, – я без него жить не могу, я без него вообще задыхаюсь! Он несчастный человек, его лишили будущего...

– Он, он... Кто такой «он»? – напряглась мама. – Ты ничего мне не рассказывала.

– А теперь рассказываю! – тоскливо выкрикнула Маруся.

И действительно выложила все, расцветив свое грустное повествование романтическими деталями. В ходе введения мамы в курс дела она периодически увлекалась описанием бесподобной внешности и редких душевных качеств возлюбленного, но мама бдительно прерывала поток дифирамбов и возвращала дочь к основной теме. Когда Маруся закончила, Валентина Макаровна растерялась. Дочь никогда не давала родителям поводов для расстройств. Она была нормальной девочкой, не пила, не курила, не гуляла, хорошо училась. Поэтому последние события были для мамы как гром среди ясного неба: у ее дочери кавалер – женатый мужчина, с ребенком! Немало повидавшая на своем веку, Валентина Макаровна не могла не понимать, что у этих отношений весьма сомнительное будущее. Где и кем работает Виктор, на что живет, сколько лет его ребенку – ничего этого Маруся не знала.

– Мама, как ты не понимаешь? Мы любим друг друга. Ты задаешь вопросы с меркантильным подтекстом. Какая разница, сколько он зарабатывает? Ты что, никогда не слышала поговорку «с милым рай в шалаше»?

– В шалаше, Мариш, зимой попа замерзнет, – заметила мама, размышляя, как привести в чувство свихнувшуюся дочь.

Вроде бы достаточно взрослый человек, но абсолютно инфантильна. Валентина Макаровна чувствовала себя сапером на минном поле: один неверный шаг, и они с дочерью станут непримиримыми врагами. Тогда мать уже не сможет контролировать события и не сумеет уберечь Маришу от ошибки. Сейчас она стояла перед выбором: либо вмешаться и повернуть ситуацию в нужное русло, или, как добрая подруга, кивать головой и поддакивать, чтобы просто быть в курсе происходящего.

– Марин, ты хоть понимаешь, что не имеешь права вмешиваться в чужую жизнь? Ты взрослая девочка, у Виктора ребенок.

– Да знаю я! Ну и что? Витя – порядочный человек, он будет выплачивать алименты. Не вижу проблемы.

– Но ребенок ведь не знает про алименты! Ему нужен отец. Ты ломаешь семью, калечишь чужую судьбу. Вполне может быть, что ради своей прихоти ты обрекаешь жену Виктора на одиночество.

Маруся подобралась и настороженно посмотрела на мать:

– Ты считаешь любовь прихотью? Ты никогда не любила! Меня не интересует серая жизнь, подсчет расходов в блокнотике. Я не хочу полжизни копить рубли, чтобы к старости купить в области развалюху и заниматься еженедельным мазохизмом, копаясь в грядках. Жить надо ярко, красиво. Жить надо сегодня, а не откладывать на потом. Тебя волнует его жена? Ты бы видела это толстозадое чудовище! Она бежала за мной со сквородкой! Она же старая, почему Витя должен жить с ней, если рядом есть я и я люблю его?

Валентина Макаровна покраснела. То, что говорила Маруся, было жестоко. Видимо, подсознательно дочь хотела задеть ее, намекнуть, что не одобряет образ жизни родителей. Вот он – антагонизм поколений. Действительно, они долго себе во всем отказывали и копили на маленький участок. Покупка домика в деревне в двух часах езды от города была для них с мужем сладостной мечтой на протяжении пятнадцати лет. Сколько было радости, когда возделенная развалюха с огородиком наконец-то стала их собственностью. Маруся, увидев кособокое строение и заросший бурьяном участок, лишь презрительно фыркнула. Отныне все выходные супруги проводили на грядках, ухаживая за незатейливыми посадками. Домик покрасили, подремонтировали крылечко и поменяли шифер. Игорь Борисович, Марусин отец, собственноручно выпиливал лобзиком новые резные наличники. Дочь на дачу не ездила, ссылаясь на обилие комаров и абсолютное отсутствие бытовых удобств. Дома это не обсуждалось, но, оказывается, Маруся просто презирала те маленькие радости, которые для родителей являлись смыслом жизни. Желая ударить побольнее, дочь даже упомянула о блокнотике – в него супруги скрупулезно записывали каждую потраченную на хозяйство копейку. Но, наверное, самое обидное то, что Маруся назвала старой эту незнакомую женщину, которая, безусловно, намного моложе Валентины Макаровны. Кем же дочь их считает? Отжившими свое стариками? Мать не чувствовала себя старой, наоборот, стала модно одеваться, сделала молодежную стрижку, покрасилась в ярко-каштановый цвет, и вот такой удар... Похоже, она слишком сильно задела дочь, если та не пожалела и больно ударила в ответ.

«Неужели мы неправильно воспитывали ее? – в ужасе думала Валентина Макаровна. – Откуда в ней такой эгоизм? Как теперь ей объяснить, что нельзя сбрасывать со счетов других людей, судьба всегда найдет возможность воздать каждому по заслугам. Что ни говори сейчас, все будет для нее пустым звуком, она занята лишь своими переживаниями».

Мама выбрала единственно верный, на ее взгляд, путь: она не стала обижаться на взъерепенившуюся Марусю, а предложила привести в дом Виктора, чтобы познакомиться. Решила, что сама выяснит все подробности. Допустить, чтобы Маруся жила в шалаше, Валентина Макаровна не могла. Надо искать общий язык с кавалером. Вряд ли мужик действительно собирается уходить от семьи, тем более если там ребенок. Скорее всего, захотел гульнуть, задурить голову девчонке, а потом бросить. Такой поворот событий вполне устроил бы дальновидную маму.

«Надо с ним договориться», – решила Валентина Макаровна и предложила Марусе организовать встречу на высшем уровне. Дочь отнеслась к предложению настороженно.

– Зачем тебе с ним знакомиться? Что ты задумала? Не держи меня за дуру, мам!

– Маруся, ты что? – невинно захлопала глазами Валентина Макаровна. – Если вы собираетесь жить вместе, то, наверное, поженитесь. Ты приведешь его в дом в качестве жениха, чтобы позднее он мог официально сделать тебе предложение. Женихов принято знакомить с родителями, ты что, не знала?

– Мы пока про свадьбу не думали, – неуверенно произнесла Маруся. – Сейчас в моде гражданский брак.

– Мода, мода... Какие глупости! – не сдавалась мама. – А как же белое платье, машина? Ой, я хочу, чтобы у тебя был шлейф. И мы обязательно закажем «Чайку». Это так романтично!

Маруся купилась на обещанную мишуру, глазенки у нее заблестели, и она принялась активно обсуждать, где шить платье и какой фасон выбрать. Валентина Макаровна поддерживала восторженный монолог счастливой девочки и с изумлением думала о том, какая же, в сущности, Марина еще маленькая. Нет, не глупая, а именно маленькая доверчивая девочка. Может, зря они с отцом оберегали дочь от грязи и обыденности жизни? Как теперь отпустить ее? С таким же успехом можно высадить под дождь и ветер нежный оранжерейный цветок и ждать, что он не завянет.

«Что мы наделали? – с тоской подумала Валентина Макаровна. – Как теперь исправлять свои педагогические ошибки?»

Маруся тем временем продолжала щебетать и размахивать руками, описывая фасон будущего свадебного платья. Раздался телефонный звонок, она сразу сникла и беспомощно взглянула на мать.

– Меня нет, – умоляюще прошептала Маруся.

– Для кого? – уточнила Валентина Макаровна.

– Ни для кого! – заявила Маруся и рухнула на кровать, зарывшись лицом в подушку.

– Алло! А Мариночки нет... Кто ее спрашивает? Может, что-нибудь передать? – В мамин голосе было столько меда, что Маруся подняла голову.

– Скоро будет. Приходите, подождете ее здесь! – Маруся вскочила с кровати и понеслась в коридор.

Мама стояла, прислонившись к стене, и усмехалась. Маруся стала корчить страшные рожи, требуя немедленно объяснить, кто звонит. Мама лишь покачала головой и отвернулась. Тогда дочь схватила с трюмо карандаш для губ и размашистыми красными буквами намалевала на зеркале: «Кто это?» Родительница осуждающе постучала себя по лбу, выражая крайнюю степень сомнения в ее умственных способностях, и продолжала вежливо говорить:

– Очень даже удобно! Мы всегда рады гостям. Оставьте эти церемонии.

Она отодвинула наседавшую на нее Марину и попыталась отобрать у юной художницы орудие труда. Мариша норовила прижаться ухом с другой стороны трубки, чтобы услышать хоть что-нибудь. В результате она оступилась и шлепнулась на пол, подмяв под себя Валентину Макаровну. Та вскрикнула и сделала «ход конем», радостно сообщив трубке:

– А вот и Мариночка вернулась, позвать ее?

Маруся кряхтела на полу, осматривая повреждения. Больше всего пострадала пятая точка, но как она ни изворачивалась, оценить масштаб урона не получалось. Изогнувшись, Маруся старалась заглянуть себе за спину, поэтому ее «алло» прозвучало по-стариковски глухо и хрипло. На том конце провода был Виктор.

– Марина? – на всякий случай уточнил он.

– Мне больно, – решила разжалобить кавалера Маруся.

– А уж мне-то как больно! – злобно сообщил кавалер вместо ожидаемого присюсюкивания.

Решив, что Виктор имеет в виду душевные муки, Маруся почувствовала себя виноватой и на всякий случай всхлипнула.

– Нам надо поговорить, – сурово продолжил он, не поддавшись на провокацию.

– Приходи к нам, – неуверенно произнесла Маруся, вопросительно глядя на маму.

Валентина Макаровна уже поднялась с пола и старательно отряхивалась перед зеркалом, не глядя на дочь. Она сильно ударилась и очень сердилась.

– Сейчас буду, – процедил Витя.

– Ма, – тихо сказала Маруся, – он сейчас будет.

– Вот и хорошо.

– Ты же сама хотела познакомиться...

– И что дальше?

– Надо бы стол накрыть, приготовить что-нибудь.

– Так давай, дерзай! – Мама рассматривала ушибленный локоть.

– Чего приготовить-то? – грустно спросила Маруся.

– Что хочешь, – усмехнулась мама и ушла в комнату.

Глава 2

Маруся не знала, что приготовить, поскольку кулинарный опыт у нее был минимальный: макароны, яичница, вареная картошка. Посмотрев на продукты в холодильнике, она повеселела. Из имевшегося набора можно сделать бутерброды. Порезав хлеб, Маруся порубала колбасу и сыр. Помня, что кусочки должны быть тонкими, она попыталась нарезать их красиво, но колбаса состругивалась неровными ошметками, а сыр прилипал к ножу и мялся. Что ж, толстые куски вкуснее. Масло на бутерброды не мазалось, и Маруся тоже порезала его кусочками. Мамины бутерброды выглядели иначе. Она даже не ожидала, что приготовление сэндвичей такой сложный и трудоемкий процесс.

«Для первого раза не так уж плохо», – подумала Маруся, украшая кособокие сооружения из продуктов кусочками помидоров и огурцов.

С огурцами все оказалось просто, а с помидорами возникла заминка. Резались они криво, сок немедленно вытекал, и аккуратный круглый овощ на глазах превращался в бесформенную кашу. Заляпав весь стол, Маруся наконец закончила создание кулинарных шедевров.

Валентина Макаровна решила, что для дела будет полезнее наступить на собственную гордость, и, перестав дуться, вышла на кухню. На красивом хрустальном блюде высились нечто. Соседка по даче, державшая свиней, обычно высыпала им в корыто именно такие неопознанные куски пищи. Необычайно гордая Мариша стояла рядом и победоносно смотрела на мать.

– Ну как?

– Что «как»? – в замешательстве воскликнула Валентина Макаровна. Она сразу поняла, о чем речь, но не сообразила, как реагировать. Уж больно жутко смотрелось месиво на блюде.

– Я стол накрыла, – пояснила Маруся.

Едва мама открыла рот, чтобы предложить свою помощь, заверещал дверной звонок.

– Ох, – побледнела новоявленная невеста, – это он!

– Это он, это он, ленинградский почтальон, – продекларировала Валентина Макаровна, двинувшись в коридор.

Маруся струсила и побежала в свою комнату. Мама вернулась, молча цепко схватила ее за руку и потащила к дверям.

– Откроешь сама, – прошептала она, – я потом выйду, чтобы кавалера не смущать.

Разумеется, Валентина Макаровна прекрасно понимала, что сцена сейчас разыграется отнюдь не романтическая. Реакция мужа, к жене которого приходила молодая любовница, была вполне предсказуемой. Она очень рассчитывала, что произойдет судьбоносная ссора, хорошо бы с рукоприкладством, после чего все проблемы решатся сами собой. А бутерброды, которые вдохновенно наваяла дочь, они съедят уже без жениха.

Маруся открыла дверь и, отступив, тревожно посмотрела на любимого. Тот молча шагнул в квартиру и закрыл за собой дверь. Маруся мышью метнулась к вешалке и подала папины тапочки. Виктор все так же в тишине переобулся и мельком глянул на свое отражение. «Похоже, в этой семейке маются похмельными кошмарами, – усмехнулся он, заметив на зеркале кровавую надпись «Кто это?» – Видимо, папаша, уходя на работу, оставляет подобные послания в надежде, что к вечеру кто-нибудь напишет ответ». Виктор еле сдержал смех, представив, что если он сейчас, увидев свое отражение, честно напишет «Это Витя», то глава семьи может и свихнуться, сопоставляя свое лицо с чуждым ему именем. Настроение немного улучшилось. Но то, что устроила Верка после визита этой чокнутой малолетки, круто меняло всю его жизнь. Вероятно, на сей раз его окончательно выгонят из дома. Уладить по-тихому, как обычно, не получится, все соседи оказались в курсе визита «юной розы» и последовавшей за этим внутрисемейной разборки.

Квартира принадлежала жене, Виктор был прописан в общежитии, причем формально. В той комнатухе числилось еще человек двадцать, так что фактически пару часов назад Витя стал бомжем. Нет, он, конечно, мог вернуться в поселок к матери, откуда много лет назад уехал покорять Северную столицу, но только в самом крайнем случае. Вопрос с жилплощадью нужно решать немедленно. Судя по всему, Маруся живет с родителями, следовательно, первостепенная задача – понравиться ее предкам. Витя не был подлецом, во всяком случае, не считал себя таковым. Когда он познакомился с Марусей, никаких материальных планов на ее счет он не строил. Девочка ему просто понравилась внешне, а почему не взять то, что само просится в руки? Это была не любовь, а обычная симпатия, небольшое приключение. Кто ж знал, что все так повернется? Она молоденькая, симпатичная... Почему бы не поменять хамоватую, расплывшуюся после родов Веронику на свеженькую интеллигентку? С дочкой он может встречаться по выходным, если Верка не будет чинить препятствий, ну а если не позволит, то так тому и быть. Виктор внимательно посмотрел на съезжившуюся Марусю и ободряюще потрел ее по щеке. Девушка оживилась, зашебетала и потянула его в кухню.

Валентина Макаровна, поняв, что скандала не будет, расстроилась. Ситуация развивалась по неизвестному сценарию.

– Тебе чай, кофе? – заискивающе заглядывая Виктору в лицо, лебезила Маруся.

– Кофе.

– Сейчас, сейчас, – бестолково суежилась она.

Единственное, что у нее получилось безупречно, – зажечь газ. Маруся дернулась за праздничными чашками, стоявшими на верхней полке, но вдруг вспомнила, что на правой ноге носок в районе большого пальца порвался, а чтобы достать чашки, придется снимать тапочки и залезать на стул. Решив, что можно обойтись без праздничного сервиза, она трясущимися руками шлепнула на стол угрожающего вида пол-литровые кружки. Блюдца соответствующей расцветки почему-то отсутствовали, и Маруся, плохо соображая, что делает, поставила две суповые тарелки. Не успел проголодавшийся Виктор, которому жена не дала даже позавтракать, порадоваться, что его покормят супчиком, как Маруся с гостеприимной улыбкой плюхнула в тарелки неаккуратные бесформенные куски, отдаленно напоминавшие бутерброды, сделанные в темноте при помощи «топора».

– А что, – осторожно спросил кавалер, – мы кофе из этих тазиков будем пить?

Маруся удивленно посмотрела на него и неожиданно вскрикнула:

– Витя! Что у тебя с глазом?

– Тебе спасибо, – хмуро ответил он.

– Мне? – растерялась Маруся. – Почему мне?

– Потому что по твоей милости Верка меня избил!

Она долго переваривала услышанное, потом, так и не осознав до конца, что же это такое было, наивно поинтересовалась:

– В каком смысле избил? Это у тебя аллегории такие?

Виктор протяжно застонал и рявкнул:

– Мой фонарь похож на аллегория?

– Она ударила тебя по лицу? – охнула Маруся, сведя брови в страдальческий домик.

– Да, и не только по лицу! У меня все тело болит.

– Она могла, – задумчиво протянула Маруся. – Твоя жена такая неженственная, такая...

Но поднять на тебя руку! Ужасно!

Ее глаза наполнились слезами, и она села на стул, не обращая внимания на свистящий чайник. Дав последний гудок, чайник выплюнул свисток и угрожающе забулькал, подрагивая крышкой.

– Марина! – Виктор дернул ее за рукав, отвлекая от трагических размышлений. – Я кофе хочу.

Маруся, скорбно сгорбившись, прошаркала к полкам за кофейной баночкой, и, взяв первую попавшуюся ложку, которая оказалась столовой, щедро зачерпнула растворимой кофейной пыли. Бухнув первую ложку, она машинально зачерпнула вторую, но Виктор бдитительно схватил ее за руку и сообщил, что хочет еще пожить, поэтому одной столовой ложки вполне достаточно. Этим же черпаком Маруся полезла в сахарницу. Ее хозяйственность удручала. Желудок скручивали голодные спазмы, и Виктор решил отложить разбор полетов до конца трапезы. Взяв двумя руками невероятных размеров бутерброд и пытаясь откусить, он едва не вывихнул челюсть. По высоте шедевр в его широко открытый рот не вписался, поэтому пришлось, как хомячку, надгрызая эту хлебную башню, объедая по краям.

– Вкусно? – поинтересовалась Маруся, напрашиваясь на комплимент.

Виктор хмуро взглянул на нее, сосредоточенно работая челюстями. Вскоре чувство голода притупилось. Он так устал от поедания этого кирпича, что на второй бутерброд уже не решился. Отхлебнув кофе из огромной бадьи, Виктор поморщился. В кружке плескался отвратительный приторный сироп.

«Ладно, – подумал он, – со временем научится. Главное, чтобы старалась угодить».

А что, как не чувство вины, заставляет человека совершать несвойственные ему поступки, наступать на собственную гордость и изо всех сил пытаться угодить ближнему? Маруся была великолепным материалом: пресловутое чувство вины затопило бедняжку до самой макушки и плескалось в ее круглых глазах. Это был костер с вечным огнем, туда лишь изредка надо было подкидывать веточки.

Откинувшись на стуле, Виктор посмотрел на виновато сутулящуюся девушку:

– Кто тебя просил ходить к Веронике?

Тишина.

– Я вынужден был уйти из дома. Вернуться обратно я уже никогда не смогу.

Всхлип.

– Из-за тебя я попал в безвыходную ситуацию.

Маруся жалостливо шмыгнула носом и уставилась в окно.

– Мне даже ночевать теперь негде.

Как он и ожидал, она оживилась:

– Ты же можешь жить у нас.

– На каком основании? С какой стати? Комнату, что ли, снимать?

– Нет, – придушенно пискнула Маруся, – как мой жених.

Она в ужасе опустила голову и съезжилась, ожидая его реакции. Создалась какая-то вывернутая наизнанку ситуация. Вроде как она делала Виктору предложение и с трепетом ждала ответа. В мечтах все происходило иначе. Это Виктор должен был, красиво оформив официальное предложение руки и сердца, некоторое время помучиться в неведении: согласится ли любимая на столь серьезный шаг? И уж, конечно, это не должно было случиться в неприбранной кухне под гнетом неприглядных обстоятельств.

– Я так не могу, – процедил Виктор. – Да и родители твои вряд ли обрадуются.

– Я с ними поговорю, – залебезила Маруся. – Давай я познакомлю тебя с мамой. Мам! – завопила она на всю квартиру.

Валентина Макаровна, изнывавшая за стеной, примчалась едва ли не галопом. Она сидела, прижавшись ухом к стенке, но слышимость была отвратительная, можно было лишь угадывать, что они там говорят. От напряженного подслушивания у нее даже начала побаливать голова, так что Марусин вопль оказался очень кстати.

Ворвавшись в кухню, мама приветливо улыбнулась мгновенно подобравшемуся кавалеру и ласково пропела:

– Ой, у нас гости! А я задремала, не слышала...

Подразумевалось, что Маруся подхватит игру и представит маму жениху. Но отупевшая от смятения дочь даже не подумала помочь. Она лишь жалобно хлопала глазами и смотрела на мать, как голодный теленок.

– Мариночка! – Мама подошла к ней и слегка пихнула в спину. – Познакомь меня с молодым человеком.

Виктор не понравился Валентине Макаровне. Марусина любовь оказалась смазливый блондинистым красавчиком лет тридцати. Узкие плечи, ямочка на подбородке и влажные яркие губы. Под глазом претендента на руку и сердце красовался выразительный фингал, который мама долго и вдумчиво рассматривала с чувством глубокого удовлетворения. Неизвестная жена, похоже, от души потрудилась над гулякой. Не о таком зяте она мечтала, определенно не о таком!

Виктор, понимая, что невеста сейчас все испортит, вскочил, галантно заграбастал руку предполагаемой тещи для поцелуя, по-гусарски коротко кивнул и щелкнул пятками:

– Разрешите представиться, Виктор! А вы, вероятно, Мариночкина сестра. И скорее всего младшая...

Лесть была грубой и неприятной, особенно покорило Валентину Макаровну предположение о том, что она моложе Марины. Это было даже оскорбительно. Не подав вида, она позволила лобызнуть захваченную конечность и, приторно улыбаясь, проворковала:

– Валентина Макаровна, Маринина мама.

Разошедшийся жених опрометчиво развил тему, начав ахать и вздыхать по поводу ее редкостной красоты и молоджавости. У Валентины Макаровны возникло ощущение, что ее облили липкой душной патокой. Осталось лишь обвалить в перьях и отволочь на суд Линча. Ассоциация добавила негатива в ее отношение к новоявленному члену семьи, и она твердо решила любой ценой не допустить этого брака.

Виктору же предполагаемая теща очень приглянулась. Ласково обронив: «Ты б еще в кастрюли кофе налила», мама ловко накрыла стол заново, окончательно купив Виктора предложением пообедать.

Кормить отвратительного гостя она решила по одной простой причине: понимая, что в борьбе за счастье дочери все средства хороши, Валентина Макаровна намеревалась продемонстрировать абсолютную непригодность Маруси для семейной жизни. За дело она взялась профессионально. Спихнув дочь с табуретки, она села, закинув ногу на ногу, и проникновенно сказала:

– Мариш, я что-то неважно себя чувствую, похлопчи вместо меня. – И обратилась к Виктору: – Вы уж извините, Маруся у нас к хозяйству не приучена, мы посчитали, что учеба важнее. Вы согласны?

Тот утвердительно кивнул.

– А вы вместе учитесь? – пошла в наступление Валентина Макаровна.

– Нет, что вы, я давно работаю.

– Где?

– В закрытом НИИ, в лаборатории, – скромно улыбнулся Виктор.

Будучи парнем недалеким, он не сообразил, что подобной формулировкой можно сразить только неискушенную Марусю, которая воспринимала Виктора чуть ли не как героического советского разведчика. Валентина Макаровна сразу просекла ситуацию и приуныла. Она и сама работала в НИИ, соответственно прекрасно знала, что на работе парень решает кроссворды и треплет языком в курилке, за что и получает соответствующее денежное вознаграждение. Нет, она не была меркантильной, и новый русский в качестве зятя ее бы тоже не устроил, но нищий лаборант... Если бы он хоть человеком был хорошим, а тут такое ничтожество. Семья у них среднего достатка, заподозрить Виктора в корысти сложно, если только...

– А где вы живете?

Вопрос застал его врасплох и ударил по больному месту. Решив давить на жалость, Виктор наябедничал на Марусю, сообщив, что она учинила скандал с его женой, в результате чего он остался без крыши над головой.

– Но я не сержусь, – добавил Виктор, томно глянув на Марину, гремевшую тарелками. – Я люблю вашу дочь! – воскликнул он, проникновенно заглянув в глаза Валентине Макаровне и побуждая ее подхватить тему.

Не на ту напал! Ей стало ясно: мужик остался без жилплощади и пытается теперь обвинить во всем Марусю. Хотя дочь, конечно, приложила руку к этому делу.

– И какие у вас планы? – сурово спросила мама.

Виктор проворно сполз на пол, приняв коленопреклоненную позу, и, картинно взмахнув тощими клешнями, произнес:

– Я пришел просить руки вашей дочери. Мы любим друг друга.

– В подобных случаях принято приходить не с пустыми руками, – язвительно заметила Валентина Макаровна.

Маруся шкрябала половником по внутренностям пятилитровой кастрюли, исходящей паром и благоухающей только что разогретыми наваристыми щами, и напряженно вслушивалась в диалог, боясь повернуться.

– Вы намекаете на калым? – расслабился Виктор, решив, что мамаша шутит.

Намекала она как минимум на букет и торт, но не объяснять же это идиоту.

– Забудьте! – махнула она рукой. – Вы мне лучше скажите, куда собираетесь отнести руку и сердце моей дочери?

Половник выпал из рук Маруси и с грохотом ударился о тарелку, разбрызгав суп. Виктор ошалело заморгал, представив, что ему отдадут лишь требуемые части. Его передернуло от отвращения. Сразу вспомнилась недавняя передача, где ведущий, смакуя подробности, рассказывал про пойманного людоеда.

– Я не имел в виду...

– А у вас с чувством юмора плохо, – припечатала Валентина Макаровна. – И где вы собираетесь строить счастливую семью, ячейку общества, так сказать? На чьих квадратных метрах намереваетесь вить гнездо, а? – Она сурово посмотрела на жениха.

– Я планирую снять квартиру, – лихо соврал Виктор в надежде умаслить строгую мамашу невесты.

– Да? На какие, извините, шиши?

– Мама, – наконец-то встряла в диалог Маруся. – Как тебе не стыдно? Что за унижительный допрос? Если ты не перестанешь так с нами разговаривать, мы немедленно уйдем. Да, Витя?

Витя был абсолютно не готов уйти прямо сейчас от одуряющего аромата горячих щей.

– Мариша, мама желает тебе добра, – решил он заступиться за будущую тещу и слегка приподняться в ее глазах. – Она хочет быть уверена, что я смогу тебя обеспечить. Это совершенно естественно. Не вижу повода для конфликта.

Валентина Макаровна по-настоящему испугалась. Похоже, дочь абсолютно потеряла голову. Настроить ее против кавалера, продемонстрировав его финансовую несостоятельность, не получится. Словно отвечая на ее мысли, Маруся сообщила:

– Если хочешь знать, Витя работает над сверхсекретным государственным проектом, он скоро станет знаменитым, о нем напишут в газетах...

– А чего ж вы не на работе? – ехидно поинтересовалась мама, желая открыть Марусе глаза на его вранье. – Как же секретный проект-то без вас, сам по себе булькает, что ли?

– Я отгул взял, – мрачно сообщил кавалер, сообразив, что с мамой каши не сварить.

– Ты словно пытаешься его уличить! – воскликнула обиженная Маруся.

Валентина Макаровна совершенно отчаялась. Девочка жила на всем готовом и не понимала цены деньгам. Ей казалось, что продукты в холодильнике появляются сами собой, вещи стираются, гладятся и самостоятельно стайками слетаются в шкаф. Разумеется, у дочери нет опыта, но как найти в себе силы позволить родной кровиночке так ошибиться? Мужик, конечно, редкая дрянь. Единственное, что можно сделать, – это настроить его против Мариши. Но каким образом? Ясно, что ее несамостоятельность Виктора абсолютно не волнует. Она тоскливо посмотрела на Марусю, которая, нелепо вывернув руку с половником, разливала щи по тарелкам. Суп небольшими водопадами изливался с высоты примерно полуметра, орошая все вокруг жирными брызгами. Дочь попыталась взять тарелку и ойкнула.

Валентина Макаровна почувствовала глухое раздражение. Почему она раньше не замечала, что великовозрастная дочь ведет себя как младенец? Даже накрыть на стол не в состоянии. Всю жизнь пыталась предугадать любое ее желание, со всех ног бросаясь на выручку. И вот результат! Она украдкой глянула на Виктора. Тот жадно сглатывал и терпеливо ждал, когда его накормят. Маруся беспомощно посмотрела на маму.

– Прихватки возьми, – раздражительно произнесла Валентина Макаровна.

Видя, как дочь начала беспомощно озираться, она встала и сердито бросила ей в руки аккуратные голубенькие прихваточки, снятые с крючка над плитой. Маруся, широко растопырив локти, вцепилась в тарелку и мелкими осторожными шагами двинулась к столу.

«Сейчас прольет на пол», – подумал оголодавший Виктор.

Но ничего страшного не случилось. Маруся дошла без приключений и с облегчением поставила тарелку на край столешницы. По поверхности пошла волна, и часть супа оказалась на столе. Не обращая внимания на такие мелочи, Маруся подвинула тарелку к жениху.

Валентине Макаровне захотелось дать ей подзатыльник. Ей стало невероятно стыдно перед этим противным парнем за то, что она не смогла нормально воспитать дочь.

Тишина затянулась. Маруся обиженно сопела, отойдя к окну. Мама не знала, как избавиться от неприятного жениха, а Виктор исходил слюной от аромата щей. Но, поскольку ложку ему не дали, приходилось терпеть. Нарушить молчание банальной просьбой было нельзя.

– Витенька, ты почему не ешь? – спросила Маруся.

Подавив желание сообщить про отсутствие ложки, Витя тактично кашлянул:

– Так что ж я один буду, налей всем.

Маруся приуныла от перспективы наливать суп еще в две тарелки, а потом нести их, но мама как всегда спасла положение:

– Иди мой руки, я сама налью. – И с сарказмом добавила: – Я так понимаю, кавалер привык есть грязными руками.

– Суп едят не руками, а ложкой, – заступилась за Виктора Маруся.

– А, тогда конечно, – кивнула Валентина Макаровна.

Виктор смутился, вскочил и двинулся за Марусей в ванную комнату.

Мама печально посмотрела в окно. Встреча на высшем уровне определенно прошла неудачно. Изгнать жениха, похоже, не удастся. Парень вцепился, как клещ. Придется ждать вечера, когда вернется с работы муж, и решать проблему общими усилиями.

Вечер не принес ей облегчения. Игорь Борисович вместе с новоявленным зятем уговорили все имевшиеся в доме запасы спиртного и стали друзьями не разлей вода. Алкоголь привел главу семейства в отличное расположение духа. Перебазировавшись из кухни в гостиную, они начали активно выяснять отношения с телевизором. Папаша тыкал пальцем в лицо главе правительства, рассказывавшему про счастливое будущее сограждан, и ругал его, применяя весь свой обширнейший словарный запас. Виктор вторил ему, демонстрируя компетентность в вопросах политики. К ночи дружба окрепла настолько, что Игорь Борисович, пошатываясь и хватаясь руками за стены, даже побрел за Виктором в ванную комнату и через дверь попытался довести дискуссию до конца. Но не смог и заснул, уютно свернувшись калачиком посреди

коридора. Валентина Макаровна, чертыхаясь, доволокла супруга до спальни и растормошила, заставив раздеться. Последнее, что сказал муж, было:

– Отличный парень, будет теперь с кем дома поговорить, а то одни бабы, хр-рр...

Вот этого как раз она допустить не могла. Не хватало еще, чтобы этот соплик испортил мужа. Пора подключать запасной вариант. Несколько лет назад, незадолго до смерти, бабушка прописала Марусю в свою двухкомнатную квартиру. Сейчас она сдавалась, но, видимо, настало время лишиться семейный бюджет скромной дотации. Пусть молодые живут отдельно. Не исключено, что Маруся быстро наестся семейной жизнью и прибежит к родителям под крылышко. Главное, избежать свадьбы и беременности. За стеной нежно ворковала дочь, укладывая спать мертвецки пьяного возлюбленного.

– Тьфу ты! – в сердцах плюнула Валентина Макаровна и погасила свет.

Глава 3

Вернувшись с юга, Лариса заглянула к Марусе, чтобы вручить маленькие сувенирчики и провести свою любимицу. Валентина Макаровна относилась к их дружбе очень настороженно, поскольку Лариса не вписывалась в обычные рамки и, словно магнит, притягивала к своей ладной фигурке мужские взгляды. А кому понравится наличие такой соседки в непосредственной близости от собственного супруга? Кто ее знает, к кому она бежит: к Маруське или к ее папаше? Баба одинокая, детей нет, мужа нет, а раз нет, значит, будет. А где взять то, чего нет? Найти. Не факт, что соседка не занимается поисками именно в их квартире. Валентина Макаровна пару раз заводила с мужем разговоры на отвлеченные темы, плавно подводя его к сентенции о том, как хорошо нерожавшим женщинам: фигура на месте, проблем никаких, порхают, как бабочки... Игорь Борисович, привыкший к многословности супруги, задумчиво складывал лоб в гармошку, изображая пристальное внимание к избранной теме, и поддакивал, строго соблюдая разнообразие интонаций. Взгляд его был устремлен в телевизор или в газету. В качестве примера приводилась соседка, и Валентина Макаровна неодобрительно качала головой, намекая, что жалеет несчастную бездетную женщину, явно чем-то серьезно больную и, вероятно, заразную. Муж сосредоточенно и с жаром кивал, давая понять, что целиком и полностью поддерживает мнение жены. Валентина Макаровна ненадолго успокаивалась, но, как только в дверном проеме опять возникала улыбающаяся Лариса, Брусникина-старшая начинала нервничать. Соседка это чувствовала и старалась лишней раз неприятливой Валентине на глаза не попадаться.

Маруся очень обрадовалась ее возвращению и сразу вывалила на Ларису главные новости. Даже сквозь шоколадный загар, ровным слоем покрывавший гладкую кожу соседки, было видно, что она побледнела. Нежные смуглые щеки приобрели сероватый оттенок, а сама Лариса, схватившись за сердце, в ужасе уставилась на Марусю.

– Ты ходила к его жене? Какой кошмар!

– Ну вот, – надулась Маруся. – И ты туда же! Почему все переживают за эту противную Веронику и никто не думает обо мне?

– Мариночка, ты же знаешь, как я тебя люблю. Ты мне как дочь! Но то, что ты сделала, – страшная ошибка. И, боюсь, исправить ее уже нельзя!

– Почему ошибка? Мы теперь вместе! Мы любим друг друга!

– Ты знаешь, любовь невероятно хрупкое чувство. Его может разбить не только предательство, но и неосторожно сказанное слово.

– Если такая ерунда его может разбить, то это не любовь. Настоящую любовь не убить и не разбить ничем!

– То, что я тебе сейчас расскажу, очень тяжело, но ты должна понять. Ты уже взрослая девочка. Нельзя разрушать семьи, в которых есть ребенок. И вообще, нельзя разрушать чужие семьи, надо строить свою не на руинах чужого пожарища, а на новом месте. И конечно, недопустимо жечь соседский дом. Помни, огонь всегда перекидывается и на твою хату.

Вероятно, это были слишком глубокие мысли для юной Маруси, поскольку на ее личике появилась гримаска раздражения и усталости от заумных философствований соседки. Одно дело, когда она восторгается твоими формами и с восхищением рисует картины счастливого будущего, заполненного толпами сраженных твоей красотой поклонников, и совсем другое, когда начинает поучать, как мама. Нотации Маруся могла послушать и в исполнении собственной родительницы.

– Мариночка, поверь мне, я много повидала и многое пережила. Тебе надо научиться чувствовать чужую боль и реально оценивать возможные последствия своих поступков. Когда-то давно у меня тоже была семья, муж, дочь...

– У тебя? – изумилась Маруся, привыкшая к мысли, что соседка одинока и несчастна. Во всяком случае, так утверждала мама.

– У меня, – кивнула Лариса. – А еще у меня была подруга. Не очень близкая, но все же. Наверное, тебе пока сложно это понять, но, любя человека, тоже можно от него немного устать. Вот так живешь, стираешь, убираешь, заботишься о любимых людях и вдруг однажды просыпаешься и осознаешь, что жизнь утекает как вода сквозь пальцы и остаются лишь жалкие капли. А так хочется еще что-то успеть, хочется яркого праздника, чтобы потом вернуться в свое теплое болото и спокойно доживать, зная, что есть что вспомнить на старости лет. Я никогда не собиралась уходить от мужа, просто решила хоть на мгновение увидеть праздничный фейерверк, чтобы остаток жизни смотреть в темное небо и помнить: когда-то там были волшебные огни. Ты прости, я и перед тобой оправдаться пытаюсь, и перед собой... Подруга, Валя, познакомила меня с братом, а он молодой, красивый. Да и не брат это вовсе оказался, просто... Не в этом суть. Он мне напомнил, что я женщина. Эффектно так напомнил, а я купилась. Никогда не обманывай, чтобы не быть обманутой самой. Никогда. Мы с подругой целый план придумали: дочка в лагере, мужа я послала к Вале на дачу, якобы ей в бане пол надо помочь сделать, а сама пригласила парня домой.

Маруся тарасилась на Ларису круглыми, как пуговицы, глазами, словно малыш на Деда Мороза, и ловила каждое слово. Тогда она еще не в состоянии была оценить откровенности подруги, но история была по-взрослому волнующей и непонятной.

– Валентина все правильно рассчитала. Они приехали с мужем вечером в субботу, как раз в разгар нашего интима, мы-то с ней договорились, что она его не раньше следующего дня отпустит, а она вот как все повернула. В общем, из дома муж меня выгнал, с дочерью встречаться запретил, пригрозив, что все ей расскажет. Так ведь и возразить-то мне нечего! Виновата я! Кругом виновата. Только вот плачу за минуту счастья слишком дорого. И не счастье это было вовсе, а иллюзия, мираж. Осталась одна, а Валька замуж вышла. За мужа моего. Вот так вот. Живут они плохо. И мужу плохо, и ей. И доченьке моей плохо. Валька-то не знала, что порченный товар берет. Это ведь со стороны только кажется, что мужик – конфетка. А домой принесешь, обертку снимешь – а там...

– Что? – не выдержала Маруся. – Что там?

– Пузырь там мыльный или леденец обгрызанный, – вздохнула Лариса.

– Мой Витя... – задохнулась от возмущения Маруся, – мой Витенька... он не обгрызанный... он... он... Да что ты сравниваешь! Ты же его не знаешь! Если тебе не повезло, то это не значит, что все остальные на те же грабли наступать станут!

Жизненный опыт Ларисы проиграл перед безапелляционностью молодости. Не встретившая понимания Маруся, надув губы, засобиралась по делам, дав понять подруге, что встреча закончена.

Вернувшись домой, Лариса вдруг четко осознала, что помочь Марусе она уже ничем не сумеет, а вот помочь собственной дочери еще можно, более того, необходимо. В конце концов, девочка достаточно взрослая, чтобы если уже не простить, то хотя бы попытаться понять мать. Все эти годы Лариса следила за дочерью, периодически подкарауливая ее то у школы, то у подъезда и тщательно отслеживая, как ребенок одет, с кем общается, не обижают ли ее. Она ждала момента, когда можно будет объяснить Наине то, что произошло много лет назад, вернуться и занять свое место в жизни ребенка, поцеловать ее...

Еще неделю Виктор околачивался у Марусиных родителей. Единственной радостью для Валентины Макаровны были его походы на работу. Каждый вечер заканчивался одинаково. Бурные алкогольные возлияния плавно переходили в громкую беседу на троих: муж, будущий зять и телевизор. Приходилось терпеть, поскольку съемщики попросили неделю для поиска новой жилплощади. Судя по всему, с женой Виктор не общался. Когда мама пыталась это

выяснить у Маруси, та лишь пожимала плечами. Данный вопрос дочь не интересовал. Валентина Макаровна не была верующей, но знала точно: всем воздается по заслугам. Построить счастье на руинах чужой семьи мало кому удавалось.

Через неделю состоялся торжественный переезд молодых на новую жилплощадь. Накануне мама осторожно поинтересовалась, планирует ли Виктор развод и что будет с его квартирой. Будущий зять ошарашил ее сообщением о том, что заявление на развод уже подано, а свои квадратные метры он, как честный человек, оставит бывшей жене. Валентина Макаровна не посчитала нужным углубляться в дискуссию на тему, что доброта за чужой счет это плохо, но в качестве аргумента для будущих споров сей факт запомнила. Она очень надеялась, что молодые разбегутся, столкнувшись с бытовыми проблемами. Новость о грядущем разводе неприятно удивила, но поскольку официально Виктор еще был женат, а для того, чтобы разобраться в Марусиной непригодности, понадобится пара дней, у мамы оставалась надежда на благоприятный исход событий.

Минимальный набор мебели в квартире имелся, оставался даже старенький бабушкин холодильник, не хватало только уюта и хозяйского подхода к оформлению интерьера. Маруся с восторгом носилась по комнатам, повизгивала и подпрыгивала. Она старательно разложила по полкам вещи, развесила одежду, расставила в кухне выданную мамой посуду и окончательно почувствовала себя взрослой. Она даже нашла половую тряпку и старательно помыла полы. Правда, не обнаружив ведра, Маруся сполоснула пыльное полотнище в ванной комнате, намотала на швабру и начала азартно гонять воду по квартире. Виктор лежал на диване и снисходительно улыбался, глядя на жизнерадостную суету молодой невесты. Естественно, она не шла ни в какое сравнение с одышливой, вечно недовольной и тяжелой на руку Вероникой. Он уже успел похвастаться на работе, что поменял старую жену на новую с доплатой. Эта плоская шутка казалась ему невероятно удачной, и Виктор повторял ее при каждом удобном случае. Доплатой он называл двухкомнатную квартиру, составлявшую приданое Маруси. Если бы Валентина Макаровна знала о его планах, то непременно придушила бы собственными руками. Но она ничего не знала, ей оставалось лишь надеяться, что жизнь сама согнет упрямую девочку и расставит все по своим местам.

Помыв полы и тщательно выполоскав тряпку, Маруся устала и прилегла на диван рядом с любимым. На улице было пекло, жара пробралась в квартиру и моментально слизнула с линолеума и паркета остатки влаги, оставив живописные сероватые разводы. Новоиспеченная хозяйка с удивлением смотрела на причудливые грязные узоры, волшебным образом проступающие на полу. Мыть заново не хотелось, и она решила, что надо идти по жизни с гордо поднятой головой и не смотреть под ноги, тогда и грязи не заметишь. Кто бы подсказал ей тогда, что, если задирать голову, можно и споткнуться.

По телу разлилась приятная усталость, Маруся задремала. Сладкий сон нарушил проголодавшийся Виктор.

– Марин, ужинать пора, – зевнув, сообщил он и отложил газету.

– Ладно. – Она весело вскочила и прошлепала босиком в кухню. Под ногами что-то покалывало, к босым ступням прилипали песчинки.

Маруся распахнула холодильник и с изумлением уставилась на голые полки. Первый раз в жизни она видела пустой холодильник, поэтому была потрясена неестественностью открывшегося зрелища. У мамы там всегда теснились кастрюли, кастрюльки и мисочки. Здесь же не было даже масленки. Нет, конечно, Маруся не была до такой степени инфантильной, чтобы думать, будто продукты материализуются из воздуха. Просто привыкнув к определенному укладу жизни, она не сумела сразу перестроиться.

– Подумаешь, продукты можно купить!

Затруднительная ситуация решалась с обнадеживающей легкостью. От мамы она захватила толстенный «Справочник хозяйки», там в изобилии имелись рецепты всевозможных блюд. Сейчас Маруся выберет что-нибудь, и они отправятся в магазин.

Виктор неожиданно раскапризничался. Он не хотел идти в магазин, а желал немедленно поесть. Его нотации по поводу ответственности за приготовление пищи и ее наличие в холодильнике слегка подпортили Марусе настроение, но, все еще пребывая в эйфории от вступления во взрослую жизнь, она не обиделась, а виновато чмокнула голодного жениха и согласилась сбегать в магазин самостоятельно. Рецепты в справочнике выглядели удручающе длинными, поэтому Маруся решила обойтись сосисками и яичницей. Пересчитав деньги, оставшиеся от стипендии, она подумала, что этого вполне достаточно и, весело напевая, помчалась в магазин. Сумма, которая ей казалась не такой уж маленькой, в продуктивном эквиваленте равнялась десятку яиц, буханке хлеба, восьми сарделькам и пачке макарон.

Увидев покупки, Виктор недовольно поморщился:

– А где булка?

– На булку денег не хватило, – призналась Маруся.

– Надо было у меня попросить, – порадовал ее Виктор.

«Вот он, настоящий мужчина! Сразу взял на себя материальные проблемы», – расцвела она, глядя на него влюбленными глазами.

Сардельки лопнули, макароны разварились, превратившись в чудовищное месиво, вдобавок ко всему в доме не оказалось ни чая, ни кофе. В общем, Валентина Макаровна от души порадовалась бы, узнав, что было у молодых на ужин. Все шло по плану.

Странно, но Маруся сумела приспособиться к создавшимся условиям, хотя так и не научилась получать от них удовольствия. Досадные сбои на хозяйственной ниве происходили регулярно, но она легко переживала неудачи, сглаживая конфликты виноватым воркованием. Научилась отчищать пригоревшие кастрюли, стирать белье при отсутствии горячей воды и экономить от зарплаты до зарплаты. Она так и не удосужилась поинтересоваться, сколько Виктор получает в месяц. Суммы, выделяемой им на хозяйство, хватало в обрез. Маруся начала штопать колготки, сваливала в баночку обмылки, чтобы потом ими стирать, а однажды сама приклеила к туфлям оторвавшуюся подметку. Это достижение настолько впечатлило юную хозяйку, что она опрометчиво похвасталась маме своим подвигом. Валентина Макаровна, со дня переезда принципиально не посещавшая молодых почти три месяца, на сей раз немедленно примчалась. Решительно отодвинув дочь, гордо трясушую у нее перед носом стоптанной бареткой, она вихрем пронеслась по квартире.

– А где это недоразумение, твой гражданский муж? – сурово спросила она.

– Мама, ты что, ругаться приехала? – расстроилась Маруся.

– Ты мне не ответила!

– Он на работе.

– Да что ты, – ехидно пропела та. – Девятый час, а он все в своей секретной лаборатории?

Не иначе как этого уродца в космос отправили...

– Перестань! – разозлилась Маруся. – Я не собираюсь общаться в подобном тоне.

– Ладно, – сдалась Валентина Макаровна, но не удержалась и добавила: – Вы, наверное, пребываете в режиме такой жесткой экономии, что твой благоверный ходит домой пешком. К утру будет, если его ветром не сдует. – Она внимательно посмотрела на обидевшуюся дочь: – И давно ты тапки клеишь? Знаешь, некоторые люди покупают новую обувь, не слышала? Даже магазины специальные есть, обувные. Твоему кавалеру не приходило в голову купить тебе новые туфли?

Валентина Макаровна была в бешенстве и уже не могла остановиться: ее Мариночка жила как нищенка. Пройдясь по квартире, она отметила отсутствие новых вещей. В кухне не

нашлось кофе, лишь дешевый чай с ошметками сена и запахом швабры. Полупустой холодильник довершал картину. На глаза навернулись слезы.

– Мариночка, как же так? Как вы живете? До чего он тебя довел...

Мама прикусила губу и взглянула на помрачневшую Марусю. Дочь покраснела и вместо оправданий предложила:

– Давай чайку попьем?

Маруся не задумывалась или просто не хотела задумываться о том, во что превратилась ее жизнь. Слишком сильной была ее любовь к Виктору, подсознание защищало мозг от ненужных мыслей. Она не слушала ни маму, ни подруг. Хотела жить с гордо поднятой головой, но стеснялась старых колготок и стоптанных туфель. Перестав ходить с одноклассниками в кафе и на дискотеки, она постепенно отдалилась ото всех. У нее появились взрослые нерадостные заботы. После лекций нужно успеть пробежаться по магазинам и купить продукты, приготовить ужин к приходу Виктора, прибраться в квартире. Он не любил, когда на полках скапливалась пыль или нельзя было пройти босиком, не ощутив песчинки. Поэтому Маруся уже привыкла каждый день перед его приходом мыть пол.

Виктору быстро надоели кулинарные изыски в виде макарон с сосисками, пришлось осваивать арендованный у мамы кулинарный справочник. Маруся мечтала жить сегодняшним днем, так и получилось. Только день этот оказался до крайности безрадостным, наполненным не ожидаемым праздником, а ворохом разнообразных дел и забот, как корзина с грязным бельем. Маруся втянулась и привыкла. Все ради того, чтобы вечером Виктор приходил к ней, разговаривал, смотрел. Она любила наблюдать, как он ест: жадно, торопливо, облизывая пальцы. В такие моменты Маруся чувствовала прилив настоящей материнской любви к этому взрослому мужчине. Ей казалось, что он беззащитный голодный малыш, радостно уплетающий за обе щеки вкусный ужин. Иногда она тихо подходила и целовала его в макушку, но Виктор всегда недовольно дергал головой и злился:

– Сколько раз говорить, не трогай меня, когда я ем!

Маруся осторожно отходила и присаживалась на краешек табуретки, демонстрируя готовность метнуться мухой по первому требованию Виктора: к холодильнику, за газетой, за записной книжкой.

Валентина Макаровна не знала этих подробностей и пребывала в состоянии крайнего изумления. Ее капризная избалованная дочь резко изменилась, стала жестче, взрослее. Мать не знала, радоваться или огорчаться. За три месяца ее девочка превратилась во взрослую женщину. Из взгляда пропала наивность и восторженность, лишь изредка мелькали искорки. Нестираемая печать усталости и забот делала круглую мордашку Маруси старше и серьезнее.

Мама устало поднялась и пошла мыть руки, решив, что не стоит оскорблять дочь отказом: чай можно выпить, не отравит же, мало ли чем он пахнет...

В ванной комнате рядом с раковиной стояла литровая банка с какими-то разноцветными соплями. Валентина Макаровна долго разглядывала емкость, потом брезгливо понюхала. Запах не противный, но странный.

– Маруся, – крикнула она, – а чего это у тебя тут квасится?

Марина приняла этот легкий тон и так же весело ответила:

– Это обмылки, ими стирать удобно.

Хорошо, что она не видела маминого лица. Валентина Макаровна окаменела и растерянно посмотрела на радужный студень в банке. Скрипнув зубами от бессильной ярости, она вытерла руки затрепанным дырявым полотенцем и вернулась в кухню. Решение непременно дожидаться проходимца созрело мгновенно.

Время шло, но Виктор так и не появился. Они сидели в гостиной и смотрели какой-то бестолковый шумный фильм. Когда по экрану поползли титры, мама наконец отважилась спросить:

– Как ты думаешь, где он может находиться? Скоро уже транспорт ходить перестанет.

– Наверное, сегодня опять испытания, – беззаботно улыбнулась Маруся.

– Что? – Валентина Макаровна пошла пятнами.

– Иногда у них проводят секретные испытания, – бесхитростно пояснила дочь. – Заранее не предупреждают во избежание утечки информации. Звонить домой, естественно, тоже запрещено.

– И часто у него эти испытания? – Мама начинала тихо звереть. Мерзавец обманывал даже не жену, а невесту. Конечно, чего еще можно ожидать от мужика, который бросил ребенка и променял жену на малолетнюю девчушку. Свежатинки ему захотелось, людоед поганый!

– Марина! Ты сама себя слышишь? Что за чушь! А если он тебе заявит, что поехал на пару недель в экспедицию на Луну, а потом вернется с южным загаром, ты тоже поверишь?

– Нет, – серьезно произнесла Маруся. – Не поверю. Ты пытаешься очернить его в моих глазах, да? Я всегда знала, что ты ненавидишь Виктора. Ты специально говоришь гадости о нем, чтобы поссорить нас. Сама подумай, зачем ему кто-то еще, когда у него есть я, молодая и красивая? Если бы я была таким толстым старым чучелом, как его жена, тогда, возможно, он бы и начал мне изменять. Ты ведь на это намекаешь? Посмотри на меня, мам! Чего во мне не хватает, с какой стати ему искать других женщин?

Валентина Макаровна в замешательстве смотрела на дочь. Абсолютно детская логика. Но не объяснять же ей, что такой, как Виктор, всегда будет смотреть налево. Чего в ней не хватает... Да хоть через край всего будет, природу кобеля уже не переделаешь! Мама затосковала. Пора было собираться домой. Ночевать здесь нельзя ни в коем случае. Когда утром с «испытаний» вернется этот придурок, она может не сдержаться, и тогда отношения с Марусей окончательно испортятся.

– Ты говоришь глупости! – Дочь отвлекла ее от неприятных мыслей в тот момент, когда Валентина Макаровна со сладостной дрожью представила, как гоняет Виктора по квартире, молотя по зашивке шваброй.

– Я говорю глупости, – повторила она, потирая виски. – Мариночка, пойду я, поздно уже. Как раз на последний троллейбус успею.

– Может, останешься? – неуверенно спросила Маруся. – Темень-то какая...

Но по тону Валентине Макаровне сразу стало понятно, что дочери хочется поскорее ее выпроводить. Видимо, Маруся чувствовала, что встреча мамы с Виктором может закончиться плачевно.

Семейный совет с мужем не дал ничего. Кроме готовности переломать кобелю ноги, никаких иных конструктивных предложений от Игоря Борисовича не поступило. Мысли лихо-радочно скакали по замкнутому кругу. Выхода не было.

Глава 4

Через несколько дней позвонила Маруся и звенящим от счастья голосом сообщила, что они подали заявление. Рука, которой Валентина Макаровна держала трубку, моментально вспотела, закололо сердце, сбилось дыхание.

– Он ведь женат, – с трудом выдавила мать, заранее предугадав ответ.

– Нет! Уже свободен! – залилась Маруся счастливым смехом. – Свадьба двадцатого октября.

Надо полагать, что это было приглашение.

– Поздравляю, – прошептала без пяти минут теща.

– Ты не рада? Не рада?

– Это я от неожиданности. – Голос сел, прозвучало зловеще.

– Так я и знала, – обиделась дочь и бросила трубку.

Перезванивать Валентина Макаровна не стала. Она просидела до самого вечера в темной прихожей, безвольно опустив руки и впав в забытие. Очнувшись от звонка в дверь: вернулся с работы Игорь. Когда муж вошел, она даже не смогла ничего объяснить, а лишь горько расплакалась, прижавшись к его широкой груди.

– Что, что? – бестолково засуетился он, одной рукой обняв жену, а другой безуспешно пытаясь дотянуться до выключателя. – С Марусей?

– С Марусей, – всхлипывая, подтвердила Валентина Макаровна.

– Где она? В больнице? – Отец заорал так, что любопытная соседка оторвалась от просмотра нового зарубежного сериала и прижалась ухом к стене, в надежде уловить подробности разгорающегося скандала.

– Хуже. Эта дура выходит замуж!

– Валя, – Игорь Борисович схватился за сердце, сердито отпихнув подвывающую жену, – у тебя самой-то ум есть? Ты хоть соображаешь, что чуть до инфаркта меня не довела? Эко горе, замуж девка выходит! Тоже мне, неожиданность! Да они уже год вместе живут, мы ж сами им квартиру отдали.

– Не год, а три месяца, – прогундосила мать, выхватив из его кармана чистый носовой платок и трубно высморкавшись. – В том-то и дело! За кого она выходит, за эту пакость, за это ничтожество, которому ты, кстати, собирался переломать ноги!

– Ну мало ли чего я собирался, – философски проворчал Игорь Борисович, с ожесточением дергая запутавшийся шнурок. – Теперь он наш зять, надо принимать его таким, каков есть.

– Принимать? Этого развратного фавна?

– Валя, уймись! Не надо театральщины! Не один, так другой рано или поздно женился бы на Маруське. Тебя бы никто не устроил, я в этом даже не сомневаюсь!

– Лучше другой, и лучше поздно! – убежденно заявила Валентина Макаровна, терзая платок.

– Угу. – Игорь Борисович наконец справился с узлом на ботинке и распрямился. – Лучше в старости. Нашла б себе солидного деда и вязала ему носки. Я, между прочим, внуков хочу понянчить.

– Не смей так говорить! – замахала руками жена. – Мысль материальна, еще накаркаешь. Придумал же, дети от этого уroda, кошмар!

– Наши внуки – дети нашей дочери, если ты забыла, – наставительно произнес Игорь Борисович. – А уж кто у них отец – не наше дело!

– Как не наше?

– А вот так! Маринка – девка взрослая, сама решит, с кем детей клепать!

– Идиот старый, а родители на что? Мы должны помочь, подсказать...

– Ох ты, подсказывальщица нашлась! – развеселился отец. – Ты к ним что, третьей лещь собралась, действия координировать? Это тебе не на работе! Ты в своей лаборатории командуй, а в их жизнь не лезь. Без тебя разберутся. Ты, мать, как теща из анекдотов! Лучше б спросила у молодых, где свадьба да на какие шиши. У моей дочери все должно быть на высшем уровне, чтобы всю родню позвать, по-людски. А то сейчас модно, понимаешь, студенческие свадьбы устраивать. Опозорят еще перед знакомыми!

– Зять ваш, папаша, давно вышел из студенческого возраста, – язвительно напомнила Валентина Макаровна. – Интересно, а кто Маруське фату понесет? Вот здорово будет, если он дочку свою притащит.

– О, – обрадовался папа, – точно, она ж у него маленькая! Если фату понесет, красиво получится...

– А заодно с ней и мама придет в качестве сопровождающей, молодых поздравит...

– Да.

– Со сковородой, – закончила мысль будущая теща. – Она Маринку в тот раз не догнала, так хоть сейчас наверстает!

– Хватит! – разозлился Игорь Борисович. – Все равно они без нас разобрались уже.

– Ты только пообещай мне, что сам деньги на свадьбу предлагать не станешь, – жалобно попросила Валентина Макаровна.

– Почему? У них же нет ни копейки, сама говорила...

– Вот я и хочу, чтобы этот огрызок пришел и поклонялся.

– Зачем? – недоумевал отец.

– Хочу я так! – рявкнула Валентина Макаровна.

– Ладно, я подумаю, – пошел он на попятную. – Как скажешь. Ужинать будем?

– Я подумаю, – пообещала жена оскорбленным тоном и двинулась в гостиную.

– Думать-то долго будешь? – игриво бросил ей вслед Игорь Борисович.

– Столько же, сколько и ты.

– Тогда я уже подумал. Мы, подкаблучники, люди неупрямые. Как скажешь, так и будет.

– Не ерничай! – сурово сдвинула брови жена, проходя мимо него в сторону кухни. – Иди руки мой!

– Бегу!

Соседка расстроено отлипла от стены: и серию пропустила, и драка не возникла. А так хорошо и громко Игорь завопил вначале-то, так многообещающе. Но не беда. Про деньги говорили, пропивает небось получку. Удовлетворившись этой мыслью, она вернулась к телевизору.

Глава 5

Маруся жила в состоянии предпраздничной эйфории. Вся группа была в курсе событий. Девчонки отчаянно завидовали. Мрачный Антон продолжал решать за нее лабораторные и давал списывать на контрольных. Он почти перестал разговаривать с ней, и Маруся решила, что приглашать его на свадьбу не стоит. Портить себе настроение созерцанием недовольной физиономии она не собиралась. Впереди ждали приятные, восхитительные хлопоты. Подруги приняли деятельнейшее участие в обсуждении свадебного торжества. Были задействованы все знакомые, знакомые знакомых и совсем посторонние люди. Уже нашлась портниха для пошива свадебного платья, вычислили недорогое, но приличное кафе, определили список гостей. Виктор в подготовке участия не принимал, Маруся взяла все на себя, решив, что, как только план будет окончательно готов, она представит его на одобрение дражайшей половине.

Валентина Макаровна терпеливо ждала, когда ее привлекут к процессу, но Маруся лишь таинственно хихикала и многообещающе цокала языком. Мама недоумевала: денег молодые не просили. Отец нервничал и приставал с вопросами:

– Звонила? Что говорит? Вот попомни мое слово: раз денег не просят, устроят пикник на природе, и все. На горячее чай из термоса, на сладкое – ириски. Надо предложить свою помощь.

Мама возмущенно трясла головой и сердито шипела:

– Только попробуй!

Гром разразился после Марусиной поездки к портнихе. Записав на бумажке стоимость работы и материала, выбранного на квартире мастерицы, невеста понеслась домой. Требовалось внести залог, а она даже не догадалась взять с собой более-менее приличную сумму. Договорились, что расплатится завтра.

Когда Виктор вернулся с работы, Маруся прямо в прихожей налетела на него с радостным криком:

– Я платье заказала! Сколько у нас отложено на свадьбу?

Виктор с безразличным видом стряхнул с себя будущую супругу и поинтересовался:

– А сколько отложила лично ты?

– Я? – растерялась Маруся. – Нисколько.

– Вот! – Он наставительно поднял указательный палец. – Ты еще не стала женой, а уже демонстрируешь завидную готовность транжирить мои деньги. Тебе не приходило в голову, что жизнь в гражданском браке обошлась бы нам намного дешевле? Если захотела праздника, то, будь любезна, оплати его сама. Меня вполне устроит просто поход в ЗАГС. Если ты забыла, напоминаю: я уже имел счастье потратиться на одну свадьбу, и невеста в белом платье у меня была. С этим связаны довольно тягостные воспоминания. Надо учиться быть более тактичной с ближними. – Увидев, что у Маруси затряслись губы, Виктор решил не перегибать с воспитательным процессом и великодушно добавил: – Ладно, не куксись. Отложил я на твою свадьбу, иди, возьми в «Агате Кристи», над телевизором.

Маруся радостно взвизгнула, повисла у него на шее, потом сорвалась и улетела в комнату.

На самом деле Виктор рассчитывал, что основные расходы возьмут на себя родители невесты. Его мать обещала привезти солений и маринадов для закуски, а еще гарантировала десять литров отличного самогона для застолья. Приехать она должна была накануне свадьбы, чтобы успеть познакомиться с Марусей. Раиса Гавриловна отнеслась к новости без энтузиазма. Развод сына с прежней женой она не одобрила. Несмотря на лютую ненависть к бывшей невестке, с которой у них однажды произошла дуэль на граблях, внучку, маленькую Дианочку, она обожала. Девочка гостила у нее каждое лето, и теперь Раиса Гавриловна переживала, что ей не дадут видеться с ребенком.

Из комнаты вернулась растерянная Маруся.

– Витя, здесь даже на платье не хватит!

– Ну, дорогая, – хмыкнул он, – там еще не хватает на золоченую карету и бриллиантовое ожерелье.

Маруся растерянно смотрела на него.

– Но я же не могу без платья!

– Я, например, буду жениться в своем старом костюме, – огорошил ее Виктор. – Нам, между прочим, дали талончик на скидку в магазине для новобрачных. Вполне могла бы не таскаться к своей эксклюзивной портнихе, а подобрать что-нибудь обычное!

– Но я не хочу обычное! Замуж я выхожу один раз, это должен быть особенный день!

– Да будет, будет этот день особенным! Совсем необязательно покупать для этого особенную тряпку. Куда ты ее потом денешь?

– Оставлю на память.

– Нам это не по карману, – категорично заявил Виктор.

– Что же делать? – скорбно заломила руки несчастная невеста. – А кафе, лимузин? Я уже всем рассказала.

– Ну, во-первых, незачем было хвастаться, а во-вторых, не в мишуре счастье. Главное, что мы вместе.

Возразить было нечего. В философском плане мысль звучала предельно ясно, но Марусе отчаянно хотелось именно мещанской мишуры и завистливых взглядов подруг.

– Что же делать? – трагическим шепотом повторила она и приготовилась зареветь.

– Ну... Ты можешь попросить деньги у родителей, – подсказал дальновидный жених.

– У мамы? – вздрогнула Маруся, представив, как обрадуется будущая теща, узнав о финансовой несостоятельности жениха. Бальзам на душу.

– Нет, – решительно заявила она.

– Ну нет так нет, – усмехнулся Виктор. – Я тоже считаю, что можно обойтись скромным торжеством в узком семейном кругу. – И подавил приступ хохота, представив, как они в тесном семейном кругу будут приговаривать десять литров самогона под мамины огурчики. Раиса Гавриловна подшофе отличалась оригинальным и непредсказуемым поведением.

Всю ночь Маруся крутилась с боку на бок, решая сложнейшую задачу – просить или не просить у родителей деньги. Проблема выбивала ее из колеи и не давала уснуть. Пару раз она получала увесистые пинки от возмущенного ее возней жениха.

– Марин, мне на работу завтра, что ты крутишься, как юла, – злобно проговорил Виктор, когда она в очередной раз села взбивать подушку.

Маруся покорно плюхнулась на свою половину кровати и затихла. К утру проблема была решена.

– Пойду сдаваться, – тяжело вздохнула Маруся и стала собираться к родителям.

Разговаривать на эту тему по телефону не хотелось. Было ужасно стыдно. Она понимала, что мама заведет длинную и нудную нотацию на тему «я всегда оказываюсь права» и станет вспоминать все ее мелкие и крупные прегрешения. Но пышная свадьба важнее. Придется потерпеть.

Валентина Макаровна, сообразив, зачем явилась дочь, засияла, как медный самовар. Когда Маруся озвучила просьбу, мама с победным видом ехидно спросила:

– А что ж мужчина твой не приехал кланяться? Чего ж он тебя послал?

– Он не хочет, чтобы была свадьба. Ему платье не надо, – призналась Маруся, стыдливо глядя в пол.

– Ага, если это надо тебе, то его не интересует! Так получается? Свои проблемы решай сама. Достоинно, достойно. Да... заботливый у тебя будет муж! – Далее последовало выступление на обычную тему: «Я же тебе говорила».

Когда речь подошла к концу, Маруся уже почти засыпала. Поскольку мама довольно часто упражнялась в риторике, все, что она скажет, было известно заранее. Spина затекла, а рот раздирала зевота, с которой скрючившаяся на стуле невеста боролась из последних сил. Если зевнуть, то можно сбить весь пафос с оратора, тогда мама точно обидится, и свадьбы не будет. Что бы Валентина Макаровна ни говорила, какие бы доводы ни приводила, Маруся осталась при своем мнении: Витя – самый лучший, самый порядочный, самый замечательный. А в маме срабатывает рефлекс тещи. Се ля ви. Бывают проблемы и посерьезнее.

Вскоре Валентина Макаровна повеселела.

– Ну, давай, рассказывай. Сначала про платье...

Когда пришел отец, деятельная мама уже вместе с Марусей съездила к портнихе, внеся коррективы в фасон свадебного платья, потом заглянула вместе с невестой в кафе и обсудила подробности с директором. К приходу отца с работы они были абсолютно вымотаны и лежали валетом в гостиной на диване, даже не разобрал его. Зато прояснилась итоговая сумма, которую отцу предстояло потратить на проведение мероприятия. Список гостей скорректировали в узком семейном кругу. Планировалось пригласить человек сорок: тридцать со стороны невесты и десять со стороны жениха.

– А почему с его стороны только десять? – удивилась Маруся.

– А потому, что он вообще не собирался праздновать! Пусть радуется, что мы все оплатим. Дареному коню в зубы не смотрят.

Спорить Маруся не стала. Десять так десять. Главное, что будет роскошное платье и шикарная машина. Девчонки лопнут от зависти.

Виктор тоже не возражал. Все произошло, как он и планировал.

Глава 6

День свадьбы приближался. Платье уже было готово и висело в шкафу. Меню утвердили, приглашения разослали. Дни тянулись невыносимо медленно.

За пару дней до свадьбы Виктор сообщил, что приезжает его мама. Маруся обрадовалась и спросила, где она остановится. Радость ее исчезла, когда выяснилось, что остановится мама у них.

– А как же первая брачная ночь? – растерялась она. Наличие мамы никак не вписывалось в романтику праздничного дня.

– Ну, – хохотнул Виктор, – не такая уж она и первая! Давай не будем делать из мухи слона. Здесь две комнаты, я же не говорю, что мама ляжет у нас в ногах.

Представив будущую свекровь, преданной собачкой свернувшуюся у них в ногах, Маруся потрясла головой, чтобы отогнать кошмар.

– Может, поселим ее у родителей?

– Обидится. Я не понял, ты что-то имеешь против моей матери?

– Нет, – торопливо проговорила Маруся. – Просто маме, наверное, самой будет неудобно...

– Моей – все удобно. Когда увидишь, сама поймешь, – успокоил ее будущий муж.

Маруся приуныла.

На следующий день она вылизывала квартиру, перекладывала вещи в шкафах ровными стопочками и каждый час вытирала пыль, с завидным постоянством налипающую на все гладкие поверхности, имеющиеся в доме. Кульминацией стало оттирание старенького линолеума в кухне. Пришлось действовать всеми доступными способами, пригодился даже ластик. Несколько раз звонила мама, которой Маруся неубедительно врала, будто делает маникюр, педикюр, меряет платье, в общем, занимается делами, которые считаются обычными для нормальной невесты накануне свадьбы.

Около пяти часов вечера прогремел дверной звонок. На пороге стояла неопределенного возраста неопрятная тетка с мелкой химией в пегих волосах. Пробуравив Марусю маленькими злыми глазками, она молча протиснулась в коридор, занеся огромный баул с позвякивающими внутренностями и проехав по Марусиным ногам колесами безразмерной сумки.

– А, м-м-м... Вы... – Маруся не была уверена в том, что это и есть будущая свекровь. Почему-то она решила, что Виктор встретит маму, привезет домой и оформит знакомство должным образом. Но, похоже, тонкости этикета его не волновали.

– Ты, что ль, Марина? – низким хриловатым голосом поинтересовалась гостя.

– Я, – послушно кивнула Маруся.

– Че-то тощая ты и страшенькая какая-то, – порадовала ее родственница. – Ну, будем знакомы: Раиса Гавриловна я, свекровка твоя, значит. Вот!

– Очень приятно. – Маруся была шокирована. Крестьянская непосредственность будущей родственницы пугала.

– А это – гостинцы. – Тетка ткнула пальцем в сторону кулей.

– Спасибо, – вежливо произнесла Маруся.

– Пожалуйста, – усмехнулась тетка. – Чего уставилась? Прибирай!

Маруся не поняла. В коридоре чисто. Что не понравилось свекрови и что требовалось убрать, было неясно.

– Чего стоишь-то? – Мама явно была недовольна. – Вот кулема, прости господи!

Она отпихнула застывшую девушку и, схватив поклажу, потащила по коридору.

– Эй, тугоумная, где тут у Витьки кухня? – бросила она, не оборачиваясь.

Марусе ужасно захотелось поставить ее на место сообщением, что квартира не Витина, а ее. И наглая баба находится у нее в гостях, поэтому неплохо бы относиться к хозяйке с уважением. Но, конечно же, ничего этого она не сказала, а лишь понуро поплелась за теткой. Остановившись посреди помещения, мама довольно оглянулась и спросила:

– Газета есть?

– Свежая?

– Тухлая! – хихикнула Раиса Гавриловна.

– Нет, – растерялась Маруся.

– Да и ладно, – махнула рукой гостя и, расстегнув сумку на колесах, вывалила на свежeweымытый линолеум картошку.

– Просушить надо, влажно в подполе было, – пояснила свекровь.

Маруся икнула. Дружба не складывалась. Взаимопонимание не налаживалось, более того: она ощутила по отношению к Раисе Гавриловне тихую отчетливую ненависть. Развернувшись, Маруся покинула кухню. Смотреть, как тетка громит квартиру, желания не было. Пора заняться подготовкой к завтрашнему торжеству. Костюм для Виктора и платье она погладила еще вчера, сегодня можно уделить время собственной красоте. Прическу соорудят завтра в салоне, а вот маникюр предстоит сделать самой.

Маруся включила телевизор и села распаривать руки в мисочке. В кухне будущая свекровь гремела посудой, внятно материлась и хлопала дверцами шкафов.

Когда работа над правой рукой была практически закончена, дверь со стуком распахнулась, и в проеме возникла раскрасневшаяся взлохмаченная Раиса Гавриловна.

– Ну и бардак у тебя, – сообщила она будущей невестке.

Маруся решила, что самое умное в данной ситуации – промолчать. Только вчера она чуть ли не языком вылизала каждый шкафчик и расставила все в идеальном порядке.

– Я прибрала там, – не отставала тетка.

– Спасибо большое, – проникновенно произнесла Маруся, не вдаваясь в подробности.

Хлопнула входная дверь. Пришел Виктор. Мама заголосила в коридоре дурным голосом. Испуганная Маруся вылетела из комнаты, решив, что случилось нечто страшное. Нет, оказывается, мамаша просто обрадовалась.

«Хоть бы она уехала поскорее», – тоскливо подумала Маруся.

Праздничное настроение стремительно улетучивалось, словно воздух из проткнутого шарика. Определенно присутствие свекрови вряд ли украсит свадьбу.

– ...когти раскрашивает. В квартире грязь, пыль ключьями мотается, впору в сапогах ходить. Ты, сыночка, хорошо подумал? Вид у нее больной какой-то, чахлая, гнилая баба-то... – донесся мерзкий голос новой родственницы.

«Вот стерва, – разозлилась Маруся. – Зачем наговаривать? Чем я ей не понравилась? Надо же – свекровь. Терпи теперь тут эту мымру! Конечно, в сапогах, если посреди линолеума гора картошки!»

Кисточка соскочила, пришлось стирать и перекрашивать ноготь. Руки тряслись, настроение окончательно испортилось. Мерить при тетке платье не хотелось. Пришлось отложить примерку на утро.

Едва они с Виктором легли, в соседней комнате что-то грохнуло, и тетка истошно завопила. Молодые подскочили и понеслись на крик. Раиса Гавриловна как привидение стояла у окна, накрытая белым тюлем.

– Окно хотела задернуть, – жалостливо всхлинула она, – а карниз упал. Ну до чего ж ты криворукая, – неожиданно завершила она свое горестное выступление, обличительно ткнув пальцем в Марусю.

– Я? – опешила та. – Почему?

– Не знаю почему, – выпутываясь из портьер, сообщила свекровь. – Неверное, такая уродилась! Даже карнизы у тебя падают.

– А знаете, – мстительно проговорила Маруся, – вам очень идут наши занавески, они похожи на саван! – Она повернулась к вредной тетке спиной и прошлепала в спальню.

– Это чего она сказала, Вить? – донеслось сзади. – Обидное, что ли?

– Не, мам... Руку, руку! Во, вылезай. Это она тебе комплимент сделала, не волнуйся. Карниз она завтра починит.

– Ты спятил? – прошептала Маруся, когда Виктор вернулся в комнату. – С какой стати я буду чинить карниз, тем более завтра?

– Какая тебе разница? Зато маме приятно, – проворчал он.

– Нет, подожди! Что значит, какая мне разница? – Она в ужасе представила, как в свадебном платье и с молотком в зубах лезет по стремянке, держа в руках карниз.

– Марин, отстань! Естественно, ничего ты чинить не будешь! Она завтра уже про это забудет!

– А чего она ко мне вяжется? – прохныкала Маруся. – Приехала, испачкала все...

– Слушай, не жалуйся, спи давай!

Маруся обиженно затихла. Пока она собиралась с мыслями, что бы такое ответить, Виктор захрапел. Пострадав еще около часа, она тоже заснула.

Глава 7

Утро торжественного дня оказалось мрачным. За окном тяжело набухло серое влажное небо, о стекла ударялись тугие порывы ветра. С кухни доносился грохот посуды и шум бегущей воды.

«Сегодня я выхожу замуж!» – вспомнила Маруся и, вскочив с постели, закружилась по комнате. Виктора не было. Она выбежала в коридор и заглянула в кухню. На плите дымилось что-то вонючее, разбрызгивая жир, шипела сковорода, свекровь возилась у раковины.

– Доброе утро, – приветливо произнесла Маруся, решив забыть и простить вредной тетке все вчерашние размолвки.

Раиса Гавриловна обернулась:

– Ишь ты, неприбрана, немывта, нечесана, и сразу к столу. Ну и воспитание!

Маруся не стала отвечать на хамский выпад и молча отправилась искать Виктора. Он брился в ванной комнате, строя зеркалу жуткие рожи и мыча какую-то песенку.

– Привет! – обняла его Маруся.

– Ны мыфай! – нечленораздельно пробубнил жених, сдвинув брови.

– Разрешите представиться, – весело подпрыгивала Маруся, – ваша невеста!

– Ы-ы, – одобрил Виктор.

– Твоя мама невыносима, – без перехода сообщила она.

В ответ он лишь невыразительно пожал плечами. Приплясывая, Маруся поскакала к телефону и позвонила родителям:

– Ма, вы когда?

– Выходим уже, отец съездит за букетом невесты, а я сразу к тебе!

– А он сможет выбрать сам? – заволновалась Маруся.

– Отец, девушка волнуется, в состоянии ли ты купить нормальный букет! – крикнула куда-то в сторону мама.

– Передай ей, что она будет самой оригинальной невестой, я куплю для нее кактус в горшочке, – донесся папин голос.

– Примерно об этом я и говорила, – хихикнула Маруся.

– Как знакомство с новой родственницей? – поинтересовалась Валентина Макаровна.

– Э-э, ну-у... потом расскажу.

– Понятно! – подытожила мама. – Какой зять, такая и свекровь! Держись, мы спешим на помощь! – И повесила трубку.

Все события этого дня слились для Маруси в сплошную пеструю мешанину. Она страшно нервничала. Сначала были переживания по поводу прически – получится ли, потом – придут ли гости, не сбежит ли жених, не устроит ли скандал свекровь, придет ли заказанная машина, не опоздают ли они к началу церемонии...

Знакомство родителей прошло гладко. Отец оживился при виде десятилитровой бутылки самогона и заявил, что свекровь – наш человек. Раиса Гавриловна пообещала Марусиной маме дать подробный рецепт засолки огурчиков и начала кокетничать с Игорем Борисовичем. Старшее поколение нашло общий язык. Эта часть мероприятия благополучно завершилась.

В ЗАГС они не опоздали, сбоев не возникло, но Маруся продолжала трястись.

Маленький плешивый фотограф уговорил их на альбом из тридцати шести фотографий и, получив согласие, начал немедленно щелкать. Они принимали разные позы, делали соответствующие лица. Фотомастер как маленькая обезьянка прыгал вокруг и требовал то поднять, то опустить головы. Подогнав молодых к цветочной композиции, просил склонить головы то вправо, то влево, никак не мог добиться нужных поз и окончательно утомил их своей суетой.

– Слушайте, у меня уже шея болит! – вспылил Виктор. – Вы сначала определитесь, в какую сторону нам скособочиться, а потом командуйте.

– А вы не скандавьте, жених, – обиделся фотограф. – Дома на жену орать будете, а тут нечего.

Вот под это жизнерадостное напутствие они и прошли на торжественную церемонию.

Регистраторша долго и прочувствованно говорила положенные слова. Раиса Гавриловна умудрялась вторить ей, сообщая присутствующим свои соображения по поводу происходящего. Еще дома она приложилась к привезенному десятилитровому гостинцу и повеселела.

Маруся устала, чувствовала себя измочаленной. Единственное, чего ей хотелось, это лечь и заснуть. Когда на ее пальчике заблестело колечко, она успокоилась и ощутила необычайный прилив сил. Прямо у ЗАГСа гости выпили шампанского, и вереница из девяти машин двинулась по памятным местам. Они фотографировались, пили «Брют» и хохотали. Маруся бросила букет, и его поймала основательно захмелевшая Раиса Гавриловна, что вызвало новую волну веселья.

Девчонки завидовали, прохожие улыбались нарядной невесте, встречные машины приветственно сигналили, завидев кавалькаду, украшенную шариками и лентами. Маруся была абсолютно счастлива.

Свадьбу в кафе обставили с купеческим размахом. Игорь Борисович не пожалел сбережений. Столы ломались от яств, была даже черная и красная икра. Пока гости шумно рассаживались, Раиса Гавриловна по-хозяйски расчистила место во главе стола, где должны были сидеть жених и невеста, и водрузила туда мутную десятилитровую бутылку с самогонном. Нанятый фотограф заволновался и закудаhtал, что посудина портит весь вид. Он страшно боялся, что заказчики откажутся оплачивать свадебные фотографии, на которых жених с невестой послужат фоном для этой видавшей виды тары.

– Уберите это, – дернул он за рукав хозяйку сокровища. – Оно мизансцену портит.

– Это не оно, а он – деревенский самогон! – в рифму сымпровизировала Раиса Гавриловна и радостно загоготала, довольная удачной шуткой. – Сам не пьешь, так людям не мешай. Давай, иди отсюда.

Сосуд притягивал взгляды и нервировал алкоголенеустойчивых индивидуумов. У фотографа была язва. Он тоскливо сглатывал и крутился около емкости. Деревенский гостинец сбивал рабочий настрой и ломал антураж. Поскольку платил за все тесть, работник искусства решил взять его в союзники. Игорь Борисович отнесся к проблеме с пониманием и сообщил, что бутылку поставит на пол, рядом с собой. Углядев, что Раиса Гавриловна уперла руки в бока и уже набрала в легкие воздуха для разгромного выступления, он торопливо добавил:

– Поставим ее между тестем и свекровью, это будет очень символично: дружба народов! Русский с китайцем братья навек!

Кого он назвал китайцем, осталось за кадром.

Раиса Гавриловна удовлетворенно сдулась и плюхнулась на любезно подставленный стул.

Праздник шел как по маслу под чутким руководством опытного тамады, мастерски купировавшего стихийно возникающие скандалы. Тост за родителей новоиспеченная свекровь сопроводила зычной репликой:

– Чегой-то невесткины родители плохо поработали!

Тамада подхватил мысль, завершив выступление недовольной тетки словами:

– Мало девочек у вас, дорогие родители, побольше бы таких. Поленились, поленились!

Когда Марусю украли, Раиса Гавриловна громогласно предложила Виктору не искать девку. Кто спер, пусть тот и мучается. Массовик-затейник мгновенно обернул все в шутку:

– И не надейтесь, уважаемая, сэкономить не удастся. Ну-ка, собираем денежки на выкуп! Помогаем жениху!

Ближе к концу праздника интеллигентные Марусины родственники были шокированы фольклорным выступлением свекрови, с легкостью перекричавшей динамики, извергающие децибелы популярной музыки, и исполнившей матерные частушки. После чего она сладко заснула в подсобном помещении, цепко держась за свою пустую бутылку. Виктору, попытавшемуся разжать мамулины скрюченные пальцы, чтобы уложить ее поудобнее, она сквозь сон прошептала, что это – семейная реликвия. В ней еще прадед самогон хранил.

Когда застолье завершилось и гости стали весело прощаться с невестой, сдабривая свой уход игривыми шутками и напутствиями, выяснилось, что крепко спит не одна регулирующая свекровь. Но у всех заснувших «от усталости» были сопровождающие, а ответственность за сладко храпящую в подсобке тетку лежала на Марусиной семье, поскольку жених тоже спекся. Тесть сам отволоч Виктора, повисшего на нем плетью, в машину. Зять пел ему в ухо «Лаванду» и вяло пытался переставлять заплетающиеся ноги, цеплявшиеся друг за друга как две переваренные макаронины.

Маруся смалодушничала и предложила забыть Раису Гавриловну в кафе, но сердобольный Игорь Борисович заметил, что это не по-людски, и для транспортировки тела до автомобиля стал набирать команду из наиболее крепких и устойчивых гостей. Поскольку трезвых не было вообще, поставленную задачу гости восприняли как дополнительное развлечение. Народ веселился, отвлекался от процесса, в связи с чем новую родственницу пару раз уронили на асфальт, но она даже не проснулась. Маму с сыном подперли друг дружкой на заднем сиденье, рядом для страховки села Валентина Макаровна. Впереди оставили место для невесты. Маруся с тихим ужасом обернулась.

– И что мне с ними делать? – едва сдерживая слезы, спросила она.

– Свекровь мы возьмем к себе, – утешила мама, – а уж мужа забирай ты! Может, он не буйный, а просто алкаш!

– Валя, – укоризненно произнес отец. – Перестань, с кем не бывает! У человека сегодня свадьба!

– Да что ты! – изобразила удивление мама. – У этого? Свадьба? А вот дочь с тобой рядом сидит, у нее свадьбы не было? Чего ж она сама ходит и слюни не пускает? Имеет право. – И она сердито отвернулась, пихнув в бок Раису Гавриловну, начавшую креститься в ее сторону.

Родители заволокли Виктора в квартиру и положили на диван, не раздевая. Они торопились, поскольку в машине оставалась его мамаша, которая в любой момент могла пробудиться от спячки и начать выкаблучиваться.

Оставшись наедине с мужем, Маруся скорбно присела на корточки и аккуратно поправила ему челку. Виктор всхрапнул и отвернулся. Она последний раз покрутилась перед зеркалом, полюбовавшись на белое платье, и с грустью начала снимать фату. Праздник закончился, оставив на душе муторный осадок. Брачная ночь отменялась.

Глава 8

Утром Виктор встал с больной головой и соответствующим настроением. Трясущимися руками достал из холодильника банку с мамиными огурчиками и, стуча зубами по стеклу, стал судорожно, со всхлипами глотать холодный рассол. Ледяная влага побежала по подбородку и затекла за воротник. Рубашка намочила и прилипла к груди. Со стоном он поставил банку на стол и с удивлением посмотрел на руки. Оказывается, он был в пиджаке. Опустив голову, Виктор оглядел чудовищно мятые брюки:

«Вот дура, – раздраженно подумал он о Марусе, – еще бы в ботинках меня спать положила. Бестолочь!»

«Бестолочь» стояла в дверях и пристально смотрела на него. Впервые ей в голову закралась мысль, а действительно ли она сделала правильный выбор. Этот худой небритый мужчина в жеваном костюме, гулко причмокивающий в трехлитровую банку, и есть ее супруг? Возлюбленный, с которым предстояло прожить всю жизнь и умереть в один день? Она даже поежилась, когда эта мысль холодной змеей заползла в мозг. В кухне резко пахло рассолом. Начинался первый день семейной жизни.

Послonyaвшись по квартире, угрюмый молодой муж напряженно поинтересовался:

– А мать где?

– Съели, – ответила Маруся.

– М-м-м... А если серьезно?

– В гостях. У моих родителей.

– Ясенько. – Виктор побарабанил пальцами по столу, с трудом расстегнул намокшую сверху рубаху и жалобно попросил: – Сходи за пивом! Плохо мне.

Взяв бидончик, Маруся вышла на улицу. Пивной ларек украшала обычная табличка «Пива нет». Что там делала продавщица, оставалось загадкой. Зачем мерзнуть в пустой будке при отсутствии товара? Жаль, конечно. Разливное пиво было намного дешевле, но делать нечего, пришлось отправиться в торговый центр. В винном отделе Маруся пристроилась в хвост хмурой похмельной очереди. Через пару минут непривычную к подобным ароматам Марусю замутило от запаха перегара, щедро источаемого полутрезвыми покупателями. Получив вожаделенное «лекарство», она полетела домой.

– Почему только одну? – недовольно спросил Виктор, выхватив бутылку у нее из рук и открыв прямо в прихожей о дверную ручку.

Пиво, пузырясь, с бульканьем провалилось в измученный организм. С сожалением посмотрев на опустевшую емкость, супруг сунул ее Марусе в руки и, постанывая, поплелся в глубь квартиры. Костюм он так и не снял. Она разделась и прошла в комнату. Виктор опять спал.

Радости начинающейся семейной жизни окончательно разочаровали молодую жену.

Потянулись томительные серые будни. Белое платье, замотанное в полиэтилен, висело в шкафу, костюм был отчищен и выглажен, подробности свадьбы и вранье про первую брачную ночь были многократно обмусолены с девчонками. Свекровь уехала к себе в деревню, даже не попрощавшись. Все как у всех.

Через месяц у Виктора начались проблемы на работе. В отделе кадров обнаружили, что сотрудник секретной лаборатории прописан в общежитии, а это противоречило каким-то внутренним нормам и правилам. Виктор страшно ругался на бюрократов и многократно в лицах повторял разговор, состоявшийся у него с начальником. Теперь он вынужден был прописаться в Марусину квартиру, попросив ее не сообщать об этом родителям, чтобы не спровоцировать скандал. Она согласилась, прекрасно понимая, что мама, если узнает, устроит им Варфоломеевскую ночь. Если бы Валентина Макаровна услышала эту неправдоподобную историю про

отдел кадров, то живым зять от нее не ушел бы. Но судьба распорядилась так, что маленький секрет молодоженов до поры до времени так и остался секретом.

– Согласись, глупо: мы женаты, живем вместе, но прописаны по разным адресам, – горячился Виктор.

Маруся немедленно соглашалась. Если бы она знала, что представляет собой процедура прописки, то, скорее всего, не решилась бы на этот опрометчивый шаг.

Первый поход в паспортный стол оказался неудачным. Придя к открытию, они с изумлением увидели клубящуюся перед входом толпу.

– Может, что-нибудь случилось? – предположила Маруся.

Как выяснилось, ничего особенного не случилось. Словоохотливая бабулька объяснила, что зря они пришли, поскольку занимать очередь нужно за несколько часов до открытия, теперь они в любом случае не успеют.

В следующий раз они приехали к семи утра, надеясь попасть в список счастливиц. Но и эта попытка оказалась напрасной. Выяснилось, что там внутри есть какие-то окна, и занимать очередь надо именно в свое окно. Попасть в помещение можно было только через пару часов, во время приема, а узнать у стоявших, к какому окну относится их адрес, не получилось. Все качали головами и недоумевающе пожимали плечами.

Разозленный Виктор сообщил в пространство все, что он думает, и уехал на работу, велел Марусе вернуться, когда паспортный стол откроется, и вычислить «это поганое окно».

К девяти она вернулась и едва не была побита окоченевшими и раздраженными посетителями. Паспортный стол открыли, но хвост очереди маялся на улице, не поместившись в маленьком душном помещенье.

– Если все такие умные будут лезть без очереди, то мы туда и к вечеру не попадем, – злобно пропыхтел мужик в лохматой меховой шапке, оттирая Марусю от входа.

Высокая худая женщина молча пихнула ее в плечо с такой силой, что девушка чуть не скатилась вниз по грязным ступеням узкого крылечка. От падения ее спасло только то, что конец хвоста очереди змеился вдоль перил и сердобольные сограждане не дали ей упасть.

– Тетка, ты что, совсем уже! – сердито крикнул молодой парень. – Чуть не покалечила девчонку!

– Хулиганка! – визгливо подхватила пожилая женщина и начала с преувеличенным усердием отряхивать Марусино пальто.

– Спасибо, – смутилась та, – я не испачкалась.

– В милицию надо эту жердь сдать, – не унималась добровольная помощница. – Гоните ее из очереди.

Поскольку каждый стоявший являлся эквивалентом пяти-семи лишних минут ожидания, очередь оживилась и уже готова была устроить расправу. Длинную драчунью спасло появление на сцене нового действующего лица. Полная величавая женщина, распространяющая вокруг себя удушающее амбре дорогих духов, не глядя ни на кого, поднялась по ступенькам и молча стала ввинчиваться в тамбур.

– Э, держи, куда?! – завопили все. Начался переполох, пользуясь которым, Маруся проскользнула за женщиной, крича вместе со всеми:

– Не пускайте ее без очереди! Безобразие!

Еще час ушел на борьбу с плотной людской массой, сквозь которую можно было продвигаться со скоростью хромой черепахи. Маруся ползала от окна к окну, пытаясь вычислить свое.

Наконец, шепча «третье, третье, третье...», она стала пробираться к выходу.

Прописка затянулась: то не хватало документов, то на нужных бумагах не было какой-то подписи или печати, то все было, но вдруг выяснялось, что срок годности очередной справки истек накануне.

– И чего? – бесновался Виктор, изогнувшись и пытаясь засунуть голову в узкое окошко. – При чем здесь срок? Что она, испортилась?

– Не скандальте тут, – равнодушно отвечала паспортистка, зевая во весь рот и поблескивая золотым зубом. – Сделаете новую справку и приходите.

– Где ее делать?

– Здесь!

– Возмутительно! – вопил Виктор. – Ну так сделайте и сами у себя примите!

– Не могу, нужна подпись начальника и печать.

– А начальник где?

– В крайнем окне.

– К нему очередь со всех микрорайонов, – услужливо подсказал невысокий худощавый мужчина, стоящий за ними. – А сюда вас второй раз без очереди не пустят. Тут порядок такой. Уж я-то знаю, третий месяц хожу.

Через две недели проблему решил флакон французских духов, подаренный Виктором нужной паспортистке. Маруся, у которой не было не то что французских, а вообще никаких духов, не возражала. Она привыкла обходиться слабенькой туалетной водой и остатками косметики. Когда однажды она попросила у Виктора деньги на помаду, он сообщил, что помада ей не идет вообще. Его, мол, больше привлекает ее натуральная красота, не обезображенная химией. Маруся обрадовалась и перестала претендовать на обновление косметички.

Самая близкая ее подруга, Дина, услышав в пересказе сей сомнительный комплимент, отреагировала так:

– Ты погоди, скоро он тебе скажет, что голая ты ему нравишься больше, чтобы на тряпках экономить.

Но Дина не являлась авторитетом в данном вопросе. Она работала официанткой в валютном ресторане и смотрела на мир иначе. Другие доходы, иной круг общения подразумевали и извращенную оценку окружающих. Динуля считала, что у мужиков всегда надо брать, даже если они не готовы отдавать что бы то ни было. Она успешно претворяла свою концепцию в жизнь. Марусе это не подходило. Слова Виктора хотелось расценивать именно как комплимент, а не как проявление скупердяйства.

Для полноты картины хотелось еще посоветоваться с Ларисой, но она переехала, пообещав позвонить, как только устроится на новом месте. Видимо, обустройство заняло у нее намного больше времени, чем она планировала, поскольку звонка от нее так и не последовало.

Между тем Лариса пыталась наладить контакт с дочерью. Будучи женщиной очень привлекательной и попав в соответствующие жизненные условия, Лариса стала использовать свои внешние данные по полной программе. Для начала с помощью нового кавалера она поменяла комнату в коммуналке на крохотную однушку, чтобы обеспечить дочери запасной аэродром, если та согласится уйти от отца. Кроме того, ей казалось, будто на новом месте проще начать новую жизнь. Потом она наконец-то получила повышение по службе и соответственно весомую прибавку к жалованью. Вскоре Лариса решительно поставила крест на своей личной жизни и принялась замаливать грехи.

Опасаясь быть узнанной раньше времени, Лариса нацепила парик и старый плащ, который давно пылился на антресолях в ожидании последнего путешествия на помойку, и отправилась разведывать обстановку. Через неделю она уже знала, что в семье постоянные драки, причем исключительно между женской половиной сородичей. Муж у новой жены не просто под каблуком, а уже глубоко втопан в грунт и не высовывается. Девочка часто ночует у соседей, в квартиру регулярно навещается участковый, то есть почву для переселения дочки готовить не надо. В таких условиях ей будет намного проще простить мать. Лариса оказалась права: мало того, что Наина в первую же секунду узнала ее, девочка категорически отказалась отпу-

стить вновь обретенную маму хоть на мгновение, поэтому так и продержала ее за руку, пока они не добрались до новой квартиры. Забирать вещи и документы Лариса поехала одна.

С их последней встречи Валентина еще больше раздалась вширь, став похожей на комбайн в чехле. Но если Валя изменилась внешне, то Лариса точно так же кардинально изменилась внутренне. От восторженной интеллигентки не осталось и следа, ее место заняла хищно лязгающая острыми зубами щука, готовая не только загрызть обидчицу, но и наподдавать ей мощным хвостом.

– Здрааасьте, – насмешливо протянула Валентина, не испугавшись появления старой подруги. Судя по тону, совесть и прочие глупости ее не мучили. – Дрын! Глянь, кто к нам заявился!

Поскольку в коридоре моментально появился бывший супруг Ларисы, из этого можно было сделать вывод, что Дрын – ласковое обращение именно к нему. Кого-то называют Зайчиком или Пупсиком, а Вадима Евгеньевича теперь по неизвестной причине именовали Дрыном. Сдержав торжествующий смехок, Лариса подумала: «За что боролись, на то и напоролись».

– Лора, а что тебе нужно? – Бывший супруг попытался принять независимый вид и гордо сунул руки в карманы бесформенных треников, пузырями раздувающихся во всех местах. Один карман оказался сквозным, поэтому рука вынырнула наружу сквозь большую дыру на штанине, продемонстрировав изумленной Ларисе тощий кукиш.

– Жилплощадь, а ты думал – за тобой пришла? – воинственно выпятила огромное пузо Валентина. – Все, шалашовка, уматывайся, мы тебя давно выписали, комнату тебе пробрили от завода, дочку твою поили, кормили, обували, а от тебя даже алиментов не было ни копейки!

– Как это? – возмутилась Лариса и мстительно покосилась на съездившегося Дрына. – Я каждый месяц до восемнадцати лет переводила по почте. У меня и квитанции есть!

Это была чистая правда, хотя она с таким же успехом могла и соврать, поскольку Валентина треснула по сгорбленной спине супруга тяжелым кулаком. Вадим Евгеньевич отлетел к стене и виновато заблеял:

– Не правда это! Не было никаких денег. Не получал я ничего!

– Квитанции показать? – нагло поинтересовалась Лариса, у которой не было ни одной квитанции. Ей даже в голову не приходило хранить их.

– Подотришь своими бумажонками, – посоветовала Валентина и попыталась закрыть дверь.

– Я за вещами. – Лариса решительно отпихнула жирную, дряблую лапу соперницы и, не снимая обуви, пошла в комнату дочери.

– Нету тут твоих вещей! – взвизгнула Валя и со слоновьей поспешностью рванула по коридору спасать имущество.

– Моих нет, – спокойно согласилась Лариса, с трудом сдерживая желание вцепиться в толстые щеки бывшей подруги, так легко разрушившей когда-то ее жизнь.

Она не узнавала свою квартиру, заклеенную аляповатыми обоями и заставленную невообразимым количеством хлама. Не узнавала некогда вальяжного и солидного мужа, даже саму себя. Лариса вдруг почувствовала себя всемогущей, словно поднявшись над своим тогдашним унижением, обидой, сломанной судьбой, и, крепко взяв за грудки отдышливо пыхтящую хозяйку, требовательно посмотрела в ее блеклые глаза:

– Где дочкины вещи и документы?

– Я милицию вызову, – неуверенно просипела Валентина, ошарашенная нехарактерным для тихой подруги поведением.

– Я сама вызову. Сейчас вот удавлю тебя, гадину, и вызову, – пообещала Лариса и поверила в то, о чем говорила.

Задохнувшись в волне ненависти, исходящей от нежданной визитерши, Валентина трусливо заорала:

– Дрын, ты где?! Помогите! Убивают!

– Масенька, вы уж тут сами... без меня. Поболтайте, молодость вспомните...

Жалостливое блеянье резко оборвал стук входной двери. Героический супруг торопливо покинул поле боя. Поняв, что защитник слинял, Валентина обмякла и в течение следующих пяти минут собрала мешочек с документами. Несмотря на испуг, жадность взяла верх, и вещи «масенька» решила отстаивать до конца.

– А одежда? – Лариса не рассчитывала, что ей отдадут тряпки. У нее и сумки-то с собой не было, но уступить не хотелось.

– Нету, – буркнула Валентина и в подтверждение потрясла для наглядности головой.

– Подавись! – Ларису затошнило от отвращения, и она двинулась к выходу.

Почувствовав слабость противника, Валя ожила и завопила:

– Воровка! Проститутка! И девчонку на панель продашь! Знаю я вас таких...

Лариса резко обернулась, и крики моментально прекратились, словно кто-то повернул ручку громкости до минимума: Валентина с тихим шелестом проскользнула в ванную комнату и закрылась на задвижку.

– Уже уходишь? – тихо поинтересовался скучавший на лестнице Вадим Евгеньевич.

Лариса молча брезгливо обошла его и, не оборачиваясь, побежала по лестнице, стремясь быстрее покинуть этот дом, где все напоминало о молодости, счастье и утраченной любви. Теперь дом походил на теремок, на который по недоразумению разгрузился мусоровоз. Ее колотило от омерзения и желания забыть все, что происходило до сегодняшнего дня. Хорошо бы и Наина сумела точно так же перешагнуть через «коровью лепешку», изуродовавшую тропинку ее судьбы, и идти дальше, наслаждаясь каждым днем своей новой жизни.

Глава 9

Новый год они собирались встречать у родителей, но все сорвалось, поскольку Виктор вернулся с работы только в одиннадцать ночи, совершенно пьяный, и завалился спать. Маруся позвонила маме и дрожащим от обиды голосом попыталась изобразить радость:

– Ой, мам, у нас планы поменялись, мы идем в другое место. Вы не обидитесь?

Конечно, мама обиделась, о чем не преминула сообщить:

– Если бы ты предупредила заранее, то мы тоже не сидели бы дома, как два старых валенка! Возмутительная беспардонность!

– Мусик, давай не будем ссориться, – едва не разрыдалась Маруся. – Новый год ведь!

Валентина Макаровна смягчилась, они обменялись дежурными поздравлениями и попрощались.

Это был первый Новый год вне дома. Этот праздник Маруся всегда встречала с родителями. Ночь она сидела в пустой кухне и печально смотрела в окно. С улицы доносились хлопки фейерверков и радостные крики. В квартире густой пеленой повисла тягучая тишина. Телевизор находился в комнате, где спал Виктор, идти туда не хотелось. Маруся разогрела вчерашний суп и, сторбившись, села за стол. Они планировали, что пойдут к родителям, поэтому холодильник был почти пуст. Елочки тоже не было.

В тарелку с тихим плюханьем начали падать горькие тяжелые слезы. Маруся судорожно вздыхала, пытаясь остановить рыдания, но истерика набирала обороты, и заглушить ее не получалось.

Утром произошла первая ссора. Маруся орала на Виктора, осыпая его оскорблениями. Он не остался в долгу, и скандал понесся, как разъяренный бык, круша хрупкие останки семейного благополучия и топча едва зародившиеся ростки надежды на счастье. Впервые Марусе захотелось ударить мужа. В какой-то момент они оба выдохлись и замолчали, тяжело дыша и с ненавистью глядя друг на друга.

Маруся не выдержала первой. Всхлипнув, она убежала в ванную комнату и долго надрывно там плакала. Вскоре слезы закончились. Она еще некоторое время громко скулила в надежде, что пристыженный Виктор придет просить прощения. Наконец ей надоело сидеть на холодном бортике, и она вышла. Квартира встретила ее гробовой тишиной. Виктора дома не было. Маруся обалдело осмотрела вещи в прихожей, решив, что муж просто спрятался и сейчас выскочит откуда-нибудь, как черт из табакерки. Его куртка и ботинки отсутствовали. На всякий случай она проверила шкафы и заглянула за занавески. Супруг растворился в праздничной дымке первого дня наступившего года.

Маруся принялась строить планы мести. Лучше всего, конечно же, покончить жизнь самоубийством. Она даже расплакалась от жалости к себе, представив гроб, усыпанный цветами, и рыдающего у могилки Виктора. Единственное, что вселяло сомнения, – отсутствие уверенности в том, что муж действительно будет скорбеть, как положено. В свете последних событий от него можно было ожидать чего угодно. Панихида могла превратиться в праздник души для нечуткого супруга. Кроме того, невозможность собственными глазами увидеть последствия своей безвременной кончины направила Марусины мысли в другое русло.

«Надо его напугать, – решила она. – Пусть думает, будто я его бросила».

Маруся схватила старую спортивную сумку и начала набивать ее своими вещами, воображая, как ужаснется Виктор, открыв шкаф и обнаружив пустые полки. Он начнет метаться, рвать на себе волосы и помчится ее искать. Но и тут мысль зашла в тупик, поскольку богатая Марусина фантазия отказывалась рисовать сцену примирения. Необходимо определить место, где это произойдет. Но такового места не было. Маруся вдруг поняла, что пойти-то ей, собственно, некуда! Эта квартира, по которой она сейчас металась, собирая вещи, являлась ее

единственным убежищем. О том, чтобы поехать к родителям, не могло быть и речи. Представив мамино лицо и торжествующе вздетый к потолку указательный палец, Маруся сникла. Подруги жили с родителями. Единственная самостоятельная из них – Дина – жила с кавалером. Вряд ли ее ухажера устроит наличие Маруси на снимаемой жилплощади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.